
Алекс Ночь
Правила приличия нарушаются. Попаданка в 1837

Алекс Ночь

Правила приличия нарушаются. Попаданка в 1837

https://litres.ru/74713722

Аннотация

Итак, я Настя Зарецкая, голубоглазая блондинка 19 лет, ростом метр шестьдесят, попала в дом сурового вдовца с ребенком. Меня закинуло в 1837 год совершенно случайно – я даже не успела дожевать бутерброд. Теперь я гувернантка для его 15-летней сестры, хотя сама понятия не имею, какие там правила приличия и что такое «реверанс». Князю 36, он красив как грех, богат как Крёз и холоден как лед. Он не верит в любовь, а я влюбляюсь в него все сильнее. Но я хочу домой, в свой 21 век, где есть интернет и прочие удобства. И одновременно хочу остаться. Вот только он даже не смотрит в мою сторону… или смотрит, но делает вид, что я – мебель с голосом. А вчера, когда я приучила его сестру говорить «иди ты» вместо «извольте», он посмотрел на меня так, будто я взорвала его библиотеку. И почему мне кажется, что он тайно улыбнулся? Вопрос: заметит ли он меня до того, как я исчезну обратно в свой век? Исчезну – поймет ли, что теряет?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	71
Глава 8	87
Глава 9	101
Глава 10	112
Глава 11	119
Глава 12	130
Глава 13	142
Глава 14	154
Глава 15	170
Глава 16	177
Глава 17	189
Глава 18	202
Глава 19	209
Глава 20	220
Глава 21	233
Конец ознакомительного фрагмента.	236

Глава 1

Я жевала бутерброд. Самый обычный, с курицей и огурцом, из моей любимой кофейни напротив офиса. Снаружи – обычный московский июнь, серый и немного дождливый, но внутри пахло корицей и надеждой на то, что день пройдет без происшествий. Сидела за столиком у окна, листала ленту в телефоне и думала о том, что надо бы записаться к мастеру бровей.

Все было скучно, предсказуемо и идеально.

А потом я моргнула.

Я, правда, просто моргнула. Веко опустилось – и поднялось уже в другом месте. Бутерброд все еще был во рту, даже не перестала его жевать, но вместо столика из ламинированного ДСП передо мной был… булыжник. Ну, то есть мостовая. Серая, неровная, местами поросшая травой, и прямо под моими белыми кедами, которые почему-то стояли не на кафельном полу, а на этой самой мостовой.

Я перестала жевать.

Медленно подняла голову.

Вокруг были люди. Много людей. Они шли, ехали в каких-то повозках, и все – все! – были одеты так, будто сбежали со съемочной площадки исторического сериала. Платья до пола, чепчики, цилиндры, сюртуки, какие-то длинные юбки,

которые волочились по этой же мостовой. И на меня смотрели. Все. С открытыми ртами, с таким выражением, какое бывает у людей, когда они видят пришельца.

Или девушку в желтой укороченной футболке, джинсах и белых кедах, с бутербродом в зубах и телефоном в руке.

Телефон. Судорожно сжала его – он был теплый, я только что писала в чат подруге. На экране – открытый диалог, последнее сообщение: «капец, убейте меня, этот проект сожрет мою душу». Отправлено – минуту назад. Подняла телефон к небу. Сети нет. Вообще никакой. Даже «Е» нет.

- Абзац, - сказала я. Изо рта выпал огрызок бутерброда.

Мужчина в цилиндре, который стоял ближе всех, сделал шаг назад. Его глаза были размером с те самые булыжники, на которых я стояла. Он крестился. Я смотрела на него, он – на меня. Перевела взгляд на свои кроссовки с серебряными вставками.

- Спокойно, - сказала ему, поднимая обе руки (в одной был телефон, в другой – недоеденный бутерброд). – Я просто… потерялась.

Он не ответил. Просто продолжал креститься и пятиться. За ним начали пятиться другие. Дамы в шляпах с широкими полями хватались за сердце, кавалеры замирали с тростями наперевес. Кто-то где-то позади охнул, и звук этот был похож на писк мыши.

Все это длилось секунд пять, но для меня – целую вечность. За это время я успела:

1) перестать дышать;

2) вспомнить, что я сегодня не нанесла консилер;

3) подумать, что, может быть, это какой-то массовый розыгрыш, потому что так не бывает;

4) понять, что так не бывает, но происходит прямо сейчас;

5) почувствовать, как подкатывает паника.

Зажмурилась. Открою – и все исчезнет. Вот будет стоять моя кофейня, за окном идет дождь, официант принесет счет, и я скажу ему, что у меня нет мелочи, и он раздраженно вздохнет. Открываю глаза.

Не исчезло. Все на месте: повозка, лошадь, которая фыркает в трех метрах. И запах – странный запах конюшни, пыли и еще чего-то уютно-древесного, как от старого комода.

Я вспомнила, что во рту все еще есть остатки бутерброда. Проглотила. Не помогло. Горло пересохло, в голове звенело, а в груди разливалось холодное и липкое, как варенье, которое упало на пол.

- Где я? – спросила вслух, обращаясь к ближайшей тумбе с цветами. Да, там была тумба, в углу, с горшком и геранью. Тумба не ответила.

Вместо этого раздался женский визг. Я обернулась – какая-то барышня в розовом платье смотрела на меня, зажимая рот ладонью в белой перчатке. Ее глаза метались между моими волосами (я сделала мелирование вчера), моими джинсами (их я купила буквально на прошлой неделе со скидкой пятьдесят процентов) и моими кедами (которые я

мыла зубной щеткой позавчера). Она что-то говорила своей спутнице, и спутница тоже визжала.

- Да тихо вы! – крикнула я.

И тут поняла, что это была моя самая большая ошибка.

Потому что на меня обернулись все. Все, кто был на этой узкой улочке. Мужчины в мундирах, женщины с зонтиками, дети, которых тащили за руки, и даже лошади – мне показалось, что и лошади повернули головы в мою сторону. Наступила абсолютная тишина, нарушаемая только цокотом копыт вдалеке.

Сделала шаг назад. Кеды скрипнули по булыжнику. Сделала еще один. И тут нога подвернулась, я взмахнула телефоном и бутербродным огрызком, потеряла равновесие и плюхнулась прямо в лужу.

Да, была лужа. Июнь, начало месяца, уже наверное, прошли дожди. Вода теплая, но грязная, и моя желтая футболка теперь была мокрой и желто-коричневой. Телефон тоже, кажется, попал в воду. Я выхватила его из лужи, отряхнула – экран потух. Мой верный смартфон, с которым я прожила два года, который пережил падения и даже один раз тонул в унитазе, теперь не подавал признаков жизни.

- Только не сейчас, - прошептала я и нажала на кнопку включения.

Ничего.

Закрыла глаза и представила, что проснусь. Сейчас. Буду лежать в своей кровати, надену тапки, пойду делать кофе.

Открываю глаза.

Нет. Все та же лужа, те же люди, только теперь они смотрели на меня с каким-то священным ужасом, как на визитную карточку Сатаны.

И в этот момент я поняла две вещи.

Первая: я не в Москве. И даже не на другой планете. Я в прошлом. Точно не знаю, в каком, но по одежде – явно до революции, может, даже до декабристов.

Вторая: у меня во рту все еще чувствовался вкус бутерброда с курицей, и он был последним, что связывало меня с моей прежней жизнью. Я не знала, куда идти, что делать, у меня не было денег, ни документов, ни даже нормальной одежды. Но я была жива. И, кажется, я только что стала главной достопримечательностью этой улочки.

Медленно поднялась на ноги. Джинсы намокли, кеды чавкали. Вытерла лицо футболкой – теперь на ней были разводы. Подняла голову, встретилась взглядом с самым высоким мужчиной в этой толпе, который стоял чуть поодаль, в черном сюртуке, с тростью, и смотрел на меня не с ужасом, а с ледяным любопытством.

Он был красив. До невозможности. Классический аристократ: высокий, темноволосый, с челюстью, которую мог бы вырезать скульптор, и с глазами цвета темного шоколада. Его взгляд проходил сквозь меня, сканируя, оценивая, и в нем не было ни капли страха – только холодное, почти снисходительное недоумение.

Он шагнул ко мне. Толпа расступилась. Подошел, остановился в двух метрах. Я смотрела на него снизу вверх (метр шестьдесят, да), и он сверху вниз – на мои кеды, на джинсы, на мокрую футболку.

- Вы, сударыня, - сказал он голосом, которым мог бы заморозить горячий чай, - либо безумны, либо явились из преисподней. И то и другое одинаково неприемлемо.

Хотела сказать что-то острое, в душе «сначала приведи себя в порядок, Ваше Высочество», но из горла вырвалось только:

- Кхм.

Потому что горло пересохло, а в голове стучало: «Это же самый настоящий князь. Холодный. Красивый, как грех».

- Я… - выдавила. – Я потерялась. Просто потерялась. И я не из преисподней, я из… ну… из Москвы.

Он приподнял бровь. Это было так величественно, что я почувствовала себя муравьем.

- Из Москвы? – переспросил он. – В таком наряде? Что в вашей руке? – он кивнул на мой мертвый телефон.

- Это… это навигатор, - соврала я. – Современный навигатор. Он сломался.

- Навигатор, - повторил он с таким выражением, будто я назвала его матом.

И тут я поняла, что он не верит ни единому моему слову. Но, с другой стороны, если бы мне в кофейню ввалилась девица в корсете и кринолине и сказала, что она из 19 века, я

бы тоже не поверила.

Но он не отводил взгляда. Он смотрел на меня, и в его глазах – темных, глубоких, невозмутимых – не было ни жалости, ни помощи. Только вопрос. Один вопрос: «Что с тобой делать?»

И я поняла, что ответ на этот вопрос определит все.

Потому что вокруг ни души, кто бы сказал мне, где я, как выжить, как выбраться. Только этот мужчина, который, кажется, решал, вызвать ли полицию или просто дать мне умереть в этой луже.

- Князь, - сказал кто-то рядом, и я поняла, что они все его так называют. – Князь, прикажите схватить эту девицу! Она явно нечистая!

Повернулась к говорившему – толстый мужчина в сюртуке, с бакенбардами, смотрел на меня с отвращением.

Князь медленно перевел взгляд с меня на него.

- Нечистая? – спросил он. – Она просто мокрая и глупая. Нечистое чаще всего бывает умнее.

Я не поняла, оскорбил он меня или защитил. Но что-то в его голосе подсказывало, что он не собирается отдавать меня толпе.

Он повернулся ко мне, чуть наклонился (я увидела его карие глаза вблизи, и они были такими же ледяными, как голос), и сказал:

- Вставайте. Вы не сможете здесь оставаться. Я не знаю, кто вы и откуда, но я не люблю, когда на моей улице проходят

спектакли.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и пошел.

Стояла и смотрела ему вслед. Мои кеды хлюпали, джинсы липли к ногам, и, кажется, я впервые в жизни была настолько растеряна. Но ноги сами пошли за ним. Потому что он был единственным, кто не кричал, не крестился и не визжал. И он, этот высокий, холодный, непроницаемый мужчина, только что спас меня от линчевания. За что, я пока не знала.

Но я шла. И думала о том, что надо было доесть бутерброд. И что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после». И «после» началось с лужи, кед и князя, который даже не улыбнулся. Но когда догоняла его, мне показалось, что он чуть прибавил шаг, чтобы я не отставала. Или мне просто показалось.

Показалось, наверное.

Глава 2

Карета. Черт возьми, я сижу в настоящей карете. Запряженной двумя лошадьми. С кучером на облучке. И напротив меня сидит князь Андрей Ростовский, который смотрит в окно так, будто я – пустое место. Или, что еще обиднее, будто я – неудобный багаж, который он вынужден везти, потому что жаба задушила выбросить.

Я ущипнула себя за руку. Больно. Черт.

- Это сон, - сказала я шепотом. – Я сплю. Я сейчас проснусь. Вот проснусь и пойду на работу. Надену нормальную одежду, не эту мокрую… - я посмотрела на себя: желтая футболка с разводами, джинсы, которые все еще влажные, и кеды, которые при каждом движении издавали противный хлюпающий звук. Хлюп-хлюп. Прямо в лицо князю.

Он даже не моргнул.

Катера покачивалась, колеса стучали по булыжникам. Я попыталась выглянуть в окно – оно было маленьким, застекленным, но снаружи открывался вид, от которого у меня захватывало дух. И не в хорошем смысле.

Поля. Бесконечные зеленые поля, уходящие за горизонт. Кое-где – деревни, маленькие, деревянные, с покосившимися заборами и дымом труб. Крестьяне в лаптях и рубахах махали нам вслед, но князь не обращал внимания. Он сидел на своем месте, с прямой спиной, в черном сюртуке, с тростью между ног, и смотрел на проплывающие березы.

Я попыталась представить, как это выглядит со стороны: он – аристократ, я – мокрая попаданка. Я – как сбежавший клоун из цирка, прилипший к дорогой карете.

- Вы спите? – спросила я, потому что молчание давило на уши.

Он медленно повернул голову. Взгляд – как лед.

- Нет. – И снова уставился в окно.

- Ну вы хоть скажите, куда мы едем?

- Ко мне.

Все. Больше ни слова.

Я вздохнула. Поджала ноги под себя (кеды хлюпнули). По-

думала, что, наверное, надо вести себя прилично, но я понятия не имела, как здесь сидят. Спина прямая? Ноги вместе? А нельзя локти на колени? Я так и сделала – локти на колени, подбородок на руки. Князь скосил на меня взгляд, и его бровь чуть дернулась. Прямо как в прошлый раз. Эта одна бровь говорила больше, чем десять слов.

Он отвернулся. Я снова уставилась в окно.

Природа была прекрасной. Честно. Березовые рощи, дубы, высокие травы, которые колыхались от ветра. Пахло сеном, землей и еще чем-то удивительно знакомым – может, медом. Или яблоками. Вдали виднелась река, блестящая на солнце, а над ней кружили птицы. Все это было таким… настоящим. Слишком настоящим для сна.

Я потерла глаза. Нет, не исчезло.

- Послушайте, - сказала я. – Я серьезно. Я не из преисподней. Я из двадцать первого века. Из Москвы. Я работаю в офисе, я пью латте с кокосовым молоком, я смотрю турецкие сериалы и хожу на йогу. Я не знаю, как я здесь очутилась. Честно.

Князь медленно повернулся ко мне. Его глаза были спокойными, но в них читалось что-то вроде легкого любопыт-

ства.

- Двадцать первый век, - повторил он с той же интонацией, с которой говорят психиатры.

- Да.

- И что там, в вашем двадцать первом веке?

Я растерялась.

- Ну… машины. Самолеты. Интернет. Телефоны, - я показала на свой мертвый смартфон. – Гугл. Тик Ток. Вот это все.

Он молча смотрел на меня. Долго. Так долго, что я начала чувствовать себя идиоткой. А потом он произнес:

- Так и есть. Безумие.

И снова уставился в окно.

- Слушайте, - взорвалась я. – Я не безумна! Я просто… ну, я просто попала не туда. Это все случайность.

- Случайность, - повторил он. – И где же ваш… гугл сей-

час?

- Ну, он, - я ткнула пальцем в телефон, - не работает. Потому что сетей нет.

- Сетей, - повторил он с легкой усмешкой.

Я не поняла – издевается он или забавляется. Но, кажется, он просто проверял меня.

Я замолчала, понимая, что любое мое слово только усугубляет. Я была для него сумасшедшей девицей в мокрой одежде, которая несет какую-то чушь про будущее. И он, этот каменный князь, скорее всего, думал о том, как бы поскорее от меня избавиться.

Но мы все ехали.

Я снова выглянула в окно. Теперь мы проезжали мимо леса – сосны, высокие, прямые, пахло хвоей. Где-то вдалеке мелькнула деревушка, и люди, которые там работали, останавливались и смотрели вслед карете. Я помахала им рукой. Они не ответили. Наверное, думали, что я какая-то странная барышня, которую везут в психушку.

«Так и есть», - подумала я.

Прошло, наверное, минут двадцать. Или час. Я потеряла счет времени. Карета поехала быстрее, дорога стала ровнее, и вскоре мы выехали на широкую аллею, обсаженную старыми липами. Липы цвели – пахло медом, и я почти почувствовала себя нормально. Почти.

А потом я увидела его.

Особняк.

Огромный. Каменный. Трехэтажный. С колоннами у входа и с такой лепниной, что глаза разбегались. Белый, с серыми оттенками, с большими окнами, с балконами и какой0то башенкой справа. Я прижалась носом к стеклу и прошептала: «Ничего себе».

Это был не просто дом. Это был дворец. Ну, почти. Вокруг сновали люди – слуги, рабочие, прислуга, все в одеждах тех времен: женщины в длинных платьях и передниках, мужчины в сюртуках и жилетках. Кто-то нес ведра, кто-то чистил дорожку, кто-то разговаривал с кучером. И все, абсолютно все, повернулись на звук кареты.

Я выпрямилась, поправила (безуспешно) свою мокрую футболку и вдруг поняла, что сейчас я выйду из кареты, и все эти люди увидят меня в моем ужасном виде. И их взгля-

ды – те же, что и на улице, - любопытные, испуганные, недоуменные.

Карета остановилась.

- Выходите, - сказал князь.

Я подчинилась. Ноги подкашивались, джинсы все еще были мокрыми, а кеды, казалось, приклеились к полу. Я вышла, оступилась и чуть не упала на ступеньку – кто-то из слуг подхватил меня под локоть. Я взглянула на него – молодой парень, лет двадцати, с удивленным лицом, смотрел на мои кеды так, будто это были живые змеи.

- Спасибо, - сказала я, отряхиваясь.

Парень отшатнулся, как от огня.

Князь вышел следом, поправил сюртук и обратился к ближайшему слуге:

- Проводите эту… девушку в комнату прислуги. Дайте ей сухую одежду. Через час приведите ее ко мне в кабинет.

Он развернулся и ушел в особняк, даже не оглянувшись.

Я стояла и смотрела ему вслед, чувствуя себя как турист,

который случайно попал в Версаль. Дверь за ним закрылась, и я осталась она посреди двора с десятью парами глаз, которые меня изучали.

- Эм… - сказала я. – Привет.

Они не ответили.

Меня подхватили под руки две женщины в платьях, отвели в боковую дверь и завели внутрь. Я шла по коридору, и все вокруг казалось мне декорацией к фильму – высокие потолки, лепнина, канделябры, картины в тяжелых рамах. Пахло воском, деревом и, кажется, старыми книгами.

Комната прислуги оказалась маленькой, но уютной. С кроватью, столом и шкафом. Мне дали платье – серое, простое, длинное, и пришлось натягивать его поверх джинсов, потому что я не знала, как тут одеваются. И кеды я не сняла – потому что без них я чувствовала себя голой.

Через час меня позвали.

- Князь ждет, - сказала та же женщина.

Я вышла в коридор, поднялась по широкой лестнице, мимо портретов, мимо огромных окон с занавесками, мимо слуг, которые шарахались от меня, как от чумной. Я чувствовала себя инопланетянкой, которую ведут на допрос.

Кабинет был на втором этаже. Дверь открылась, и я вошла.

Князь сидел за огромным письменным столом из темного дерева. На столе – чернильница, перо, бумаги. Стены увешаны книгами – от пола до потолка, сотни, тысячи, пахло кожей и временем. За спиной князя – большое окно, свет льется на него, делая его силуэт почти ангельским, хотя выражение лица было дьявольским.

Он поднял глаза.

- Садитесь, - сказал он, указывая на стул напротив.

Я села. Стул был тяжелым, неудобным, и я начала ерзать.

- Значит, Настасья Зарецкая, - прочитал он с листка. – Гувернантка.

- Я не… - начала я, но он поднял ладонь, и я замолчала.

- Вы явились неизвестно откуда, в неприличной одежде, с непонятным прибором, говорите странные вещи и не знаете даже, как правильно сидеть. – Он посмотрел на мою позу (я сидела на краешке, скрестив ноги, потому что платье

задралось, но это была единственная поза, в которой я была не совсем нелепой).

Он вздохнул. Глубоко. Так, будто я была личной проблемой государства.

- У меня есть младшая сестра, Анна. Ей пятнадцать. Ей нужна гувернантка. Моя предыдущая сбежала на прошлой неделе.

Я сглотнула.

- Я не… я не умею учить, - сказала я. – Я ничему не учу.

- Вы умеете говорить? – спросил он с легкой иронией.

- Умею.

- Тогда вы подходите, - отрезал он. – Вы поселитесь здесь. Будете учить ее французскому, музыке и этикету. Я заплачу вам. Еду и кров – бесплатно.

Я хотела возразить. Сказать, что я – не та, кого они ищут. Что я хочу домой. Что мне надо вернуться в 21 век. Но слова застряли в горле. Потому что я смотрела в его карие глаза, холодные, непроницаемые, и понимала: он не поверит. Он

вообще ничему не верит, кроме того, что видит. А видит он мокрую девицу в кедах, которая, если повезет, не умрет с голоду на первой же неделе.

- Хорошо, - сказала я. – Я согласна.

Он кивнул, как будто так и знал, и вернулся к своим бумагам.

Я вышла из кабинета и прислонилась к стене. Голова шла кругом. Но я поняла одну вещь: это не сон. И я только что стала гувернанткой. В 1837 году. Для сестры князя, который не верит ни в черта, ни в попаданок.

И мне казалось, что я стою на пороге чего-то очень большого, очень странного и, возможно, очень смешного.

«Ну, Настя, - сказала я себе. – Ты всегда хотела приключений. Теперь ты их получила. По самые уши».

Потом я опустила голову и увидела свои кеды, выглядывающие из-под подола серого платья. Они были смешными. Мокрыми. И такими родными, что я чуть не заплакала.

- Держись, - прошептала я. – Ты справишься.

И я пошла вниз, чтобы начать новую жизнь, в которой у меня была только одна цель – выжить. И, если повезет, меня

вскоре перебросит обратно в 21 век.

Глава 3

Я стояла в коридоре второго этажа, прислонившись спиной к холодной стене, и пыталась осознать: я – гувернантка. В 1837 году. У меня есть работа, крыша над головой и, судя по всему, перспектива не умереть с голоду в ближайшие сутки. Звучит, как успех, если не считать, что я понятия не имею, что здесь едят, как спят и где вообще находится туалет.

- Сударыня, извольте следовать за мной.

Я вздрогнула. Передо мной стояла женщина – высокая, сухая, с седыми волосами, собранными в строгий пучок. Одета в темно-коричневое платье, белый передник, на лице – выражение человека, который видел все и уже ничего не боится. В руках – связка ключей, позвякивает при каждом движении. Экономка. Точнее, старшая прислуга. Я сразу поняла: она здесь главная, а князь – так, для галочки.

- Я – Марфа Игнатьевна, - представилась она. Голос сухой, как сухарь, но без злобы. – Буду вводить вас в курс дела. Прошу за мной.

- Марфа Игнатьевна, очень приятно, - сказала я и шагнула за ней.

Кеды предательски хлюпнули, и она бросила взгляд на мои ноги. Один взгляд – и все понятно без слов: «Это что за безобразие?» Но она промолчала. Профессионал.

Мы начали обход. Особняк был огромным. Я уже поняла, когда заходила, но теперь, когда меня вели по коридорам, я чувствовала себя мышкой в лабиринте. Высокие потолки, лепнина, паркет, натертый до блеска, огромные портреты в тяжелых рамах – предки князя смотрели на меня с одинаковым выражением «А это еще кто?».

- Это парадная лестница, - говорила Марфа Игнатьевна, показывая на широкую мраморную лестницу. – Но ней ходят гости и хозяева. Вам надлежит пользоваться черной лестницей, она в конце коридора.

Я послушно кивнула. «Черная лестница», - записала я в мозгу. Звучит как что-то из фильма про Золушку.

- Вам, как гувернантке, не положено появляться в парадных залах без приглашения, - продолжала она. – Обедаете вы с детьми или отдельно, в комнате прислуги.

- Поняла, - сказала я. – А если я захочу есть вне расписания?

Она остановилась и посмотрела на меня с легким ужасом, как будто я предложила переночевать на кладбище.

- Вне расписания? – переспросила она. – У нас все по расписанию. Завтрак в восемь, обед в час, ужин в семь. Перекусы не предусмотрены.

Я вздохнула. Прощай, мой любимый снекинг перед телевизором. Прощай, ночной доширак.

Мы пошли дальше. Марфа Игнатьевна показывала мне гостиные, библиотеку, малую столовую, большую столовую, бальную залу (для балов, логично), будуар княгини (которой уже нет) и еще кучу комнат, названия которых я не запомнила. В голове вертелось: «Спальня, гостиная, спальня, еще спальня, кабинет, опять спальня…»

- Это комната Анны Петровны, вашей воспитанницы, - сказала она, останавливаясь у двери. – Вы будете жить в соседней, через стену.

Я заглянула в щелочку. Комната была светлой, с большим окном, белыми занавесками, кроватью с балдахином, пись-

менным столом и шкафом. И везде – книги. Много книг. На полу, на столе, на подоконнике. Книги были повсюду, как в моей комнате в общаге, только вместо журналов мод тут были тома в кожаных переплетах.

- Она много читает? – спросила я.

- Читает все, что находит, - Марфа Игнатьевна вздохнула. – Она у нас тихая. Слишком тихая. Брат пытался ее разговорить, но она ему не поддается. Совсем не похожа на него, и, слава богу.

Я хотела спросить, почему «слава богу», но промолчала. Потом мы спустились на первый этаж, и Марфа Игнатьевна начала рассказывать о распорядке дня. Это было похоже на расписание в армии.

- Подъем в шесть утра, - начала я. – Умыться, одеться, причесаться. Завтрак в восемь. С девяти до двенадцати – занятия с Анной Петровной. Затем обед в час. С двух до четырех – прогулка или рукоделие. С четырех до шести – снова занятия. В семь – ужин. В девять – отход ко сну.

Я стояла с открытым ртом.

- Подъем в шесть? – переспросила я. – А можно попозже?

Марфа Игнатьевна посмотрела на меня с легкой жалостью, смешанной с недоумением:

- Барышня, вы что, привыкли вставать в полдень?

- Нет, - соврала я. – Я просто… ну, у меня режим сбился.

Она вздохнула, как будто я была ребенком, который не понимает очевидных вещей, и мы пошли на кухню. На кухне было жарко, шумно и пахло так, что у меня потекли слюни. Что-то томилось в печи, что-то жарилось на сковороде, и повар, толстый мужчина в белом колпаке, мелькал между столами.

- Это Прокофий, - представила его Марфа Игнатьевна. – Он у нас главный по еде. Сегодня на обед: суп из щавеля с яйцом, жаркое из телятины с картофелем, пирожки с капустой и кисель.

Я сглотнула. Суп, жаркое, пирожки – звучит божественно. Правда, я понятия не имела, что такое кисель, но звучало как что-то старое и, возможно, безвкусное.

- А есть что-нибудь… ну, не из печи? – спросила я осторожно. – Например, салат? Или, может быть, латте?

Прокофий уставился на меня так, будто я попросила жареную мышь.

- Латте? – переспросил он. – Это что за яство?

- Ну, кофе, - пояснила я. – С молоком. Взбитым. Пенка сверху.

Он переглянулся с Марфой Игнатьевной, и они оба посмотрели на меня с таким выражением, будто я только что прилетела с Марса и попросила марсианского чая.

- Князь пьет черный кофе без молока по утрам, - отрезала экономка. – А взбитую пенку, сударыня, вам придется забыть.

Я мысленно похоронила свою любовь к кофейням. Прощай, капучино с корицей. Привет, черный кофе из самовара.

Потом она повела меня в столовую для прислуги – длинная комната с деревянными столами и скамьями. Никаких тебе салфеток, никакого сервиза. Просто миски, ложки и кувшины с квасом.

- У нас здесь все просто, - сказала она. – Никаких изысков.

Ешьте, что дают.

Я кивнула, чувствуя, что мой внутренний гурман плачет в углу.

Вернувшись в коридор, Марфа Игнатьевна вдруг остановилась и повернулась ко мне. Ее лицо стало чуть мягче.

- Князь, - начала она, и я насторожилась. – Андрей Петрович. Он не всегда был таким… холодным.

- А каким он был? – спросила я, стараясь не звучать слишком заинтересованно.

Она вздохнула и посмотрела в окно, будто видела там что-то далекое.

- Он был другим. Веселым, улыбчивым. Женился по любви, представляете? Это в нашем-то кругу! Ольга была его женой, она умерла три года назад. Родила ему мертвого сына и сама ушла вслед за ним. Он не пришел в себя до сих пор. У него на душе – камень.

Я почувствовала, как в груди что-то екнуло. Так вот почему он такой ледяной. Он не просто холодный – он замороженный. Замороженный горем.

- Он не женился больше, - продолжала Марфа Игнатьевна. – Отказал уже пяти невестам. Общество давит, но он не поддается. Говорит, что любовь – ошибка, и больше ее не допустит.

- А сестра? – спросила я.

- Анна Петровна – полная его противоположность, - экономка покачала головой. – Скромная, неуверенная, тихая. Боится даже слово сказать при нем. Ей нужна… ну, подруга, что ли. Не учительница, а человек, который ее поймет. Вы, сударыня, хоть и странная, но, кажется, не злая. Может, у вас получится.

Я хотела спросить, почему она так думает, но она уже повернулась и пошла дальше.

Мы поднялись на второй этаж, и Марфа Игнатьевна открыла дверь в маленькую, но уютную комнату. Кровать, стол, комод, таз для умывания, кувшин с водой.

- Ваши апартаменты, - сказала она.

Я оглядела комнату. Маленькая, но светлая. В углу – старый шкаф, который судя по запаху, хранил в себе целый век.

На стене – распятие. Классика.

- Спасибо, Марфа Игнатьевна, - сказала я искренне. – Вы мне очень помогли.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде улыбки. Впервые за весь день.

- Вы, барышня, необычная, - сказала она. – Но, может, это и хорошо. Анна Петровна таких необычных любит. А князь… ну, его вам не переделать. Но если он вас не выгонит через неделю – считайте, что вы победили.

- Постараюсь, - ответила я.

Она вышла, и я осталась одна.

Я села на кровать – та заскрипела. Сняла кеды (наконец-то!), вытянула ноги и посмотрела в потолок. Потолок был белым, с лепниной, и на нем виднелись трещины. Старый дом. Старый век. Старая жизнь.

- Ну, Настя, - сказала я сама себе. – Ты в 1837 году. У тебя есть работа, кровать и маленькая комнатка. Без интернета, без душа, без телефона. Но ты жива. И, кажется, у тебя появилась миссия – подружиться с девушкой, которая боится

собственного брата, и выжить в доме, где все пропитано горем.

Я вздохнула и посмотрела на свои кеды, которые стояли у кровати. Они были грязными, мокрыми и единственным, что связывало меня с моей жизнью.

- Держитесь, - сказала я им.

И вдруг за дверью послышался шорох. Я прислушалась. Тишина. Потом – снова. Я подошла к двери, открыла ее и выглянула в коридор.

Там, в полумраке, стояла девушка. Лет пятнадцати, с пепельными волосами, заплетенными в косу, с большими серыми глазами, смотрела на меня с робостью, смешанной с любопытством. В руках она держала книгу.

- Вы… новая гувернантка? – спросила она тихо, почти шепотом.

Я улыбнулась.

- Да. Я Настя. А ты Анна?

- Да, - она кивнула, но не приближалась. – Мне сказали,

что вы… странная.

Я чуть не рассмеялась. «Странная» - это мягко сказано.

- Я самая странная гувернантка, которую ты когда-либо видела, - сказала я. – И, возможно, самая смешная. Если хочешь, я расскажу тебе, как я ношу кеды.

Она улыбнулась – первый раз, кажется, за сегодня. И шагнула ко мне.

А я поняла, что, возможно, я здесь не для того, чтобы учить ее. А для того, чтобы подружиться. И, может быть, это спасет нас обеих.

Но пока я просто улыбнулась ей, стараясь не показывать, что в моей голове все еще звучало: «Ты в прошлом. Ты в прошлом. Ты в прошлом».

И как-то странно, но это «ты в прошлом» звучало уже не так страшно.

Глава 4

Анна стояла в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и смотрела на меня так, будто я была не человеком, а призраком, который решил поговорить с ней о книгах.

- Можно… можно я войду? – спросила она.

- Конечно, - сказала я и широко распахнула дверь. – Заходи, не стесняйся.

Она вошла, села на краешек стула, как птичка, готовая взлететь при малейшем шорохе. Книгу она прижала к груди, как щит.

- Что читаешь? – спросила я, чтобы разрядить обстановку.

Она покраснела, протянула книгу, и я прочитала название: «Евгений Онегин».

- О, Пушкин, - сказала я, и только потом поняла, что Пушкина уже нет в живых. Февраль, 1837 год. Дуэль. Ой-ей.

- Вы его знали?

- Ну… слышала, - соврала я. – Талантливый, говорят.

- Я мечтала с ним познакомиться, - мечтательно сказала Анна. – Но брат говорил, что он слишком вольнодумный.

- Брат вообще все запрещает? – спросила я, пытаясь звучать осторожно.

Анна опустила глаза.

- Он хороший, - сказала она тихо. – Просто… он боится за меня. После смерти Ольги он стал другим. Он думает, что если я буду общаться с не теми людьми, то тоже пострадаю. Или если я выйду замуж слишком рано… Ольга умерла при родах, представляете?

Я почувствовала, как сердце сжалось.

- А ты не хочешь замуж? – спросила я.

Она покачала головой с такой силой, что коса подпрыгнула.

- Я боюсь балов, - призналась она. – Там на меня все смотрят. Все эти кавалеры, которые хотят танцевать, маменьки, которые оценивают, как я сижу, как я ем… Я лучше буду си-

деть в своей комнате и читать книги. В них никто на меня не смотрит.

- Я тебя понимаю, - сказала я. – Я тоже не люблю, когда на меня пялятся.

Она смотрела на меня с благодарностью.

- А вы, Настасья Владимировна, - спросила она, - вы тоже предпочитаете уединение?

Я задумалась. Мне надо было притвориться, что я из 19 века. Сказать, что я гувернантка с опытом, что я знаю этикет, что я умею играть на фортепиано… Но я смотрела в ее глаза, такие доверчивые, и понимала: если я начну врать, она это почувствует.

- Я… - начала я. – Я тоже много читаю. И я не люблю шумные компании. Поэтому я и стала гувернанткой, чтобы быть среди книг и детей, а не среди сплетен.

Она улыбнулась – впервые по-настоящему.

- А вы не будете заставлять меня танцевать? – спросила она с надеждой.

- Я тебя не заставлю даже выходить из комнаты, если не

хочешь, - пообещала я. – Мы будем читать. Или рисовать. Или я расскажу тебе… ну, сказки.

Она засмеялась. Смех у нее оказался звонким, как колокольчик, и я поймала себя на мысли, что это, возможно, первый раз, когда она смеется в этом доме с кем-то, кроме книг.

Мы проговорили около часа. Анна рассказывала о своих любимых книгах, о героях, о которых она мечтала, о том, как он хочет поехать в Петербург и увидеть море. Я слушала, кивала, иногда добавляла что-то, стараясь не ляпнуть про интернет или айфоны.

Когда она ушла, я выдохнула.

«Притворяться – это сложно», - подумала я. – «Но ради нее я могу попробовать».

Наступило время ужина. Я спустилась в столовую для прислуги – длинная комната с деревянными столами, накрытыми грубыми скатертями. За столом сидели человек пятнадцать – лакеи, горничные, кухарки, конюхи. Все в опрятной одежде, все молчаливые и серьезные. Когда я вошла, они подняли головы, посмотрели на меня с любопытством и опустили глаза.

- Садитесь, - сказала та же женщина, что дала мне платье. – Садитесь, сударыня.

Я села на свободное место. Передо мной поставили тарелку с супом. Суп был… специфическим. Щавелевый, с яйцом, но кисловатый до такой степени, что у меня свело скулы. Я попробовала ложку – и чуть не скривилась.

«Это не суп, - подумала я. – Это кислота с яйцом».

Я посмотрела на остальных – они ели с аппетитом, не морщась. «То есть они привыкли». Я съела еще ложку. И еще. Потом подали жаркое – телятина с картофелем. Мясо было жестким, как подошва, картофель пресным, и даже соль не спасала положение. Я с тоской вспомнила бургеры из моей любимой забегаловки. И доширак. И даже овсянку быстрого приготовления.

- Вкусно? – спросила соседка слева, горничная с добрым лицом.

- Очень, - соврала я, давясь телятиной.

На десерт подали кисель. Я надеялась, что это будет что-то вроде желе с ягодами. Нет. Это была жидкая, сладкая масса, похожая на сопли, с комочками крахмала. Я отодвинула тарелку.

- Не нравится? – спросила горничная.

- Нравится, - сказала я. – Просто я… я наелась еще супом.

Все посмотрели на меня с легким подозрением, но промолчали. Я поняла, что если не буду есть эту еду, меня ждет голодная смерть. Или, что хуже, меня сочтут странной. Что уже и так случилось.

После ужина я поднялась в свою комнату. Зажгла свечу (спичек не было, только кресало, которым я чуть не подожгла рукав), разделась, стащила с себя серое платье и натянула любимую футболку (сухую, наконец!). Кеды поставила у кровати, чтобы они сохли. Легла на кровать, подтянула колени к груди и посмотрела в потолок.

«Проснусь – и все пройдет, - подумала я. – Просто закрою глаза. Открою – и буду в своей квартире. Слышно, как за стеной сосед сверлит стену. В холодильнике стоит кефир. На телефоне – уведомления от подруг. Все будет. Просто засни».

Я закрыла глаза. Свеча догорала, отбрасывая тени на стены. За окном слышался какой-то шум – то ли ветер, то ли повозка проехала. Пахло воском и старым деревом.

«Я сплю. Это все сон. Придумала себе, что попала в 1837. Надо перестать читать исторические романы», - подумала я.

И провалилась в сон.

Я проснулась от света, бьющего в глаза. Солнце било через окно, и на подушке валялся не айфон, а… книга. Старая, в кожаном переплете. Рядом, на тумбочке, стоял кувшин с водой. И в углу стояли мои кеды. Все те же. И я была в своей футболке, на кровати, которая скрипела при каждом движении.

Я закрыла глаза. Открыла. Все то же.

- Нет, - прошептала я. – Нет-нет-нет.

Я села на кровати. Голова кружилась, но я точно знала: я все еще здесь. В 1837 году. В комнате прислуги. С кедами, которые все еще не высохли.

- Я не проснулась, - сказала я вслух.

И поняла, что это не сон. И не розыгрыш. И не съемки исторического фильма. Я действительно здесь. Навсегда. Или пока не найду способ вернуться.

Я встала, подошла к окну и выглянула на улицу. Там просыпалась усадьба – слуги бегали с ведрами, куры квохтали, где-то кричал петух. Все было по-настоящему. До боли настоящим.

Я вздохнула.

- Ладно, Настя, - сказала я себе. – Ты в 1837. Ты не знаешь этикета. Ты не умеешь танцевать. Ты не ешь кисель. Но ты жива. И у тебя есть работа.

Я повернулась к зеркалу.

- Ты справишься, - сказала своему отражению и пошла умываться. Холодной водой. Из таза.

«Все, - подумала я. – Добро пожаловать в 1837. Надеюсь, здесь хотя бы нет будильников».

И тут в дверь постучали.

Глава 5

Стук в дверь был настойчивым, как будильник, которого у меня не было. Я сползла с кровати, споткнулась о кеды и, шаркая босыми ногами по деревянному полу, открыла.

На пороге стояла Марфа Игнатьевна, а за ней – две служанки, нагруженные одеждой, как новогодние елки.

- По распоряжению князя, - произнесла экономка с таким видом, будто лично доставила мне королевскую корону, - вам выдается полный комплект одежды. Как гувернантке при сестре князя, вам надлежит выглядеть достойно и ухоженно.

Я распахнула рот. Потому что за спиной Марфы Игнатьевны я увидела платья. Не какие-то серые тряпки, а настоящие шедевры – из плотного шелка, с кружевными воротниками, с длинными рукавами, с турнюрами, которые, наверное, весили по пять килограммов. Три платья. Две ночные сорочки. Полотенца. И обувь – несколько пар туфель из мягкой кожи, с маленькими каблучками.

- Это все… мне? – спросила я, чувствуя себя Золушкой

перед балом, только вместо феи – суровая экономка.

- Все вам, - подтвердила она. – Князь велел не экономить. Вы будете появляться на публике, и ваш вид должен соответствовать статусу.

Она сделала паузу и добавила:

- И переоденьтесь, ради бога. Ваша одежда… ну, вы сами понимаете.

Я посмотрела на себя: любимая желтая футболка, джинсы – все еще выглядели как пришельцы из другого мира. Да, понимала.

Меня одевали. Это было унизительно и одновременно забавно. Две служанки кружили вокруг меня, как пчелы, затягивая корсет так, что я перестала дышать. Я втянула живот, но они затянули еще сильнее.

- Полегче, девочки, - выдавила я. – Я не собираюсь рожать, я просто хочу дышать.

Они переглянулись и ослабили шнуровку, но не сильно. Я надела платье – нежно-голубое, с белыми кружевами, с длинными рукавами, с юбкой до пола. Красивое. Очень красивое.

Я посмотрела в маленькое зеркало на стене и ахнула.

- Я выгляжу как принцесса, - сказала я. – Ну, или как героиня романа, которую скоро увезут в карете.

- Вы выглядите как гувернантка, - поправила Марфа Игнатьевна. – Что вполне неплохо.

А потом настал черед обуви. Я надела туфли – они были красивыми, из мягкой кожи, с маленьким каблуком. И почти сразу поняла, что это была ошибка. Мозоль на пятке появилась мгновенно, как по волшебству. Я попробовала сделать шаг – и зашипела.

- Неудобно? – поинтересовалась служанка.

- Как первый день в новой работе, - ответила я. – То есть очень.

Но я заставила себя улыбнуться и вышла. Волосы мне уложили в прическу – с пучком и локонами по бокам. Я выглядела на все сто лет, но, черт возьми, красиво.

Завтрак был в столовой для прислуги. На столе стояла миска с кашей. Овсяной. Жидкой, бледной, с комочками и без сахара.

Я села, пододвинула миску и с тоской вспомнила свой любимый утренний смузи. И круассаны. И вафельницы. И даже банальную кашу быстрого приготовления с ягодами.

- Вкусно, - сказала я и проглотила ложку.

Каша была пресной, как резина, но я была голодна, как медведь после зимы. Я съела все, до последней ложки, и почувствовала, как желудок, наконец, перестал урчать.

В девять я пошла к Анне.

Она сидела в своей комнате – опрятная, тихая, с книгой в руках, но без той скованности, что была вчера. Увидев меня, она улыбнулась.

- Вы красиво выглядите, Настасья Владимировна.

- Спасибо, - сказала я. – Это все корсет.

Она хихикнула.

Занятия начались. Анна показала мне книги – французская грамматика, ноты, альбом с рисунками. Я смотрела на все это и чувствовала себя самозванцем. Я понятия не имела,

как учить ее французскому, потому что знала только «бонжур» и «мерси». Я не умела играть на фортепиано, потому что в моем мире был только плеер. Я не знала, как рисовать акварелью, потому что в моем мире был фотошоп.

Но я пыталась. Очень пыталась.

- Так, - сказала я, указывая на учебник французского. – Давай начнем с основ. «Бонжур» - это здравствуйте. А «мерси» - спасибо. А… ну, остальное я подзабыла.

Анна посмотрела на меня с недоумением.

- Вы хотите сказать, что не знаете французского?

- Я знаю, - соврала я. – Просто… волнуюсь. Мне нужно вспомнить.

Я открыла учебник и увидела текст. Сплошные неизвестные слова. Я сделала вид, что читаю, и выдала:

- Это… ну, это о погоде. Хорошая погода, да.

Анна заглянула в книгу.

- Настасья Владимировна, - сказала она тихо. – Здесь написано о политике.

Я замерла.

- А, точно. О политике. Я просто хотела проверить, внимательно ли ты слушаешь.

Она улыбнулась, но в глазах появилось сомнение. Дальше – больше. Живопись. Я показала ей репродукцию и сказала:

- Это… ну, это очень красиво. Мне нравится, как художник передал свет.

Анна посмотрела на меня:

- Это рисунок карандашом, Настасья Владимировна. Там нет света.

Я покраснела до корней волос.

Поэзия. Я прочитала ей стихотворение, которое, как мне казалось, было Пушкина. Оказалось – мой собственный перевод современного трека. Анна слушала с открытым ртом.

- Какая странная рифма, - сказала она. – Но красиво.

Я поняла, что дальше так не пойдет. Я не знаю ничего. Я

не знаю ничего о 19 веке, кроме того, что видела в кино. И моя ложь раскроется в любую секунду.

К обеду я сдалась.

- Анна, - сказала я, опуская руки. – Я должна тебе признаться. Я ничего не понимаю. В музыке, в танцах, в живописи, в поэзии. Я не знаю французского. Я не умею играть на фортепиано. Я вообще не умею ничего, чему должна учить тебя.

Она посмотрела на меня с удивлением. Я ожидала гнева, обиды, слез, упрека. Вместо этого она сказала:

- Правда? А я думала, вы просто стесняетесь.

Я рассмеялась.

- Стесняюсь? Я не стесняюсь, я просто… ну, я не знаю. Но я хочу тебе помочь. Правда.

Анна вдруг встала, подошла к окну, задумалась, а потом резко повернулась ко мне.

- А вы умеете танцевать? – спросила она.

- Танцевать? Ну… вообще я танцую, - сказала я. – Но не кадриль и не менуэт. Я танцую… ну, как танцуют в моем… в общем, по-другому.

- Научите меня, - сказала она с горящими глазами. – Я хочу научиться чему-то новому, чему-то… не такому, как все.

Я удивилась. Это скромная девушка, которая боялась балов, вдруг захотела танцевать.

- Ты серьезно?

- Вполне, - ответила она, вставая. – Я не умею танцевать. Я всегда боюсь ошибиться. Но если ты научишь меня танцевать… и если мы будем танцевать вместе, - она замялась, - может, я перестану бояться.

Я улыбнулась. У меня в голове пронеслась мысль: «Она учит меня, а я – ее. Какая-то странная петля во времени».

- Ладно, - сказала я. – Давай. Но предупреждаю: это будет странно.

Я подошла к ней, взяла ее за руки и начала показывать. Мы танцевали – я показывала свои современные движения,

что-то похожее на то, что я делала на вечеринках. Свободные, неловкие, но веселые. Анна сначала стеснялась, но потом расслабилась и начала повторять.

Мы кружились по комнате, смеялись, наступали друг другу на ноги, я виляла бедрами, как в клипах из нулевых, она пыталась повторять – и получалось нелепо, но безумно смешно.

- А теперь руки вверх! – крикнула я. – И ногами топать!

Мы топали, как стадо слонов. Пол дрожал.

И потом дверь открылась.

На пороге стоял князь Андрей Ростовский.

В полной тишине.

Мы с Анной застыли, как статуи, с поднятыми руками, с дурацкими улыбками на лицах.

Князь посмотрел на нас. Его взгляд прошелся по нашим растрепанным волосам, по раскрасневшимся лицам, по нашим безумным позам. Он был спокоен. Безумно спокоен. Как человек, который только что увидел, что его сестра тан-

цует с гувернанткой так, будто они сошли с ума, и решил, что не будет показывать эмоций.

- Андрей! – выдохнула Анна и спрятала руки за спину.

Я тоже спрятала руки. Но было поздно.

Князь медленно перевел взгляд с Анны на меня. Я была красная, как вареный рак, с выбившейся прядью волос, с туфлями, которые натирали ноги, и с чувством, что я провалилась под землю.

- Настасья, - сказал он своим низким, ледяным голосом. – Я прошу оставить нас с сестрой наедине.

Я вылетела из комнаты.

Быстро. Молча. Не оглядываясь.

Я закрыла дверь и прислонилась к стене спиной. Сердце стучало, как бешеное. Глаза горели от стыда. Я только что, в платье гувернантки 19 века, танцевала перед князем дикий танец, достойный ночного клуба. Я трясла бедрами. Я трясла бедрами перед князем!

Я прикрыла глаза и прошептала:

- Настя, ну зачем? Зачем ты показала ей эти движения?

Где-то в коридоре послышался смех – кто-то из прислуги, наверное, видел все через щелочку. Или слышал топот. Я хотела провалиться сквозь землю. Или вернуться в 21 век. Прямо сейчас, не дожидаясь конца дня.

Но я стояла здесь, в коридоре особняка Ростовских, в шикарном платье и жутко неудобных туфлях, и краснела так, что могла бы освещать этим сиянием весь дом.

«Похоже, моя карьера гувернантки продлится ровно до конца этого дня», - подумала я.

Но из комнаты не доносилось криков. Только тихий голос князя и робкий ответ Анны. Я прислушалась – ничего не понятно. И от этого мне становилось только страшнее.

- Держись, Настя, - прошептала я. – Ты пережила падение в прошлое. Ты пережила кашу. Ты переживешь и это.

И я решила подождать.

Глава 6

Я стояла под дверью кабинета князя Андрея Ростовского и чувствовала себя школьницей, которую вызвали к директору за то, что она нарисовала усы на портрете великого деятеля. Только здесь директор был выше меня на голову, шире в плечах и смотрел так, будто я была личным оскорблением его родового достоинства.

Сердце колотилось где-то в горле. Ноги в неудобных туфлях уже натерли мозоли до кровавых пузырей, но боль в ногах была ничем по сравнению с тем, что творилось у меня внутри. Я сделала глубокий вдох, поправила платье (которое, как назло, перекрутилось во время танцев) и постучала.

- Войдите, - раздался голос из-за двери. Холодный, ровный, без единой эмоции.

Я вошла. Кабинет встретил меня тем же запахом старого дерева, воска и книжной пыли. Князь сидел за массивным столом, в кресле с высокой спинкой, и смотрел на меня поверх сложенных пальцев. Прямо как в прошлый раз. Только теперь в его взгляде не было даже капли любопытства – только сталь.

- Закройте дверь, - приказал он.

Я закрыла. И осталась стоять у входа, не решаясь подойти ближе.

- Садитесь, - кивнул он на стул.

Я села. Стул был жестким, и я снова заерзала, пытаясь найти удобное положение. Он смотрел на мои мучения с ледяным спокойствием, как смотрят на жука, который перевернулся на спину.

- Настасья Владимировна, - начал он. Голос – низкий, раскатистый, но при этом острый, как лезвие. – Я пригласил вас, чтобы обсудить ваше поведение.

Я сглотнула. В горле пересохло.

- Я… я могу объяснить.

- Объясните, - разрешил он, откинувшись на спинку кресла. – Я слушаю.

Я начала тараторить, как на экзамене, когда не знаешь билет:

- Я просто хотела развеселить Анну. Она такая тихая, такая зажатая, я подумала, что если она немного расслабится, если я покажу ей, что танцевать – это весело, а не страшно, то она…

- Вы показали ей неприличные движения, - перебил он. – Вы трясли бедрами, сударыня. В присутствии моей сестры. В моем доме. Вы наступали на подол платья, вы топали так, что со второго этажа слышно. – Он сделал паузу и добавил: - И вы не знаете французского.

Я замерла. Откуда он узнал? Неужели Анна рассказала? Или он подслушивал? Или просто сделал выводы.

- Я… я учусь, - выдавила я.

- Вы учитесь, - повторил он с такой иронией, что мне захотелось провалиться сквозь паркет. – Вы гувернантка, которая ничего не умеет. Которая не знает основ, которые должна преподавать. Вы обманули меня, Настасья Владимировна. Вы солгали, когда согласились на эту должность.

Я покраснела. Стыд обжег щеки, как кипяток.

- Я не хотела врать, - сказала я тихо. – Я просто… я не

знала, как сказать правду. Вы бы не поняли.

- Я бы не понял? – он приподнял бровь – ту самую, одну. – Вы полагаете, что я настолько ограничен, что не способен понять, когда меня дурачат?

- Я не дурачу вас! – выпалила я. – Я просто… я оказалась здесь случайно! Я вообще не из этого времени, я из будущего, я из двадцать первого века, я не знаю, как здесь жить, я не знаю ваших правил, я не знаю, что такое менуэт, и я никогда не держала в руках вилку правильно!

Я замолчала, тяжело дыша. В комнате повисла тишина. Князь смотрел на меня так, будто я только что призналась в убийстве.

- Будущее, - медленно повторил князь. – Двадцать первый век. Вы настаиваете на этой нелепой истории?

- Это не история! – крикнула я. – Это правда! Вы мне не верите, и я понимаю, почему, но это правда!

Он встал. Медленно, плавно, как хищник, который готовится к прыжку. Выпрямился во весь свой рост (а он был на две головы выше меня), обошел стол и остановился передо мной. Я почувствовала его запах – кожа, табак, холод. Он

посмотрел на меня сверху вниз, и я почувствовала себя муравьем.

- Допустим, - сказал он тихо, - я поверю в вашу нелепую сказку. Допустим, вы и впрямь явились оттуда, где люди не знают приличий и танцуют как безумные. Но это не меняет дела. Моя сестра – дочь древнего рода. Она должна вырасти достойной леди, а не посмешищем. Если вы продолжите ее развращать своим… поведением, я вышвырну вас из этого дома. Вы меня поняли?

Он произнес это таким тоном, что у меня похолодело внутри. Я смотрела в его карие глаза, и в них не было ни капли тепла. Только лед.

- Я вас поняла, - сказала я шепотом.

- Повторите, - приказал он.

- Я поняла вас, ваше сиятельство, - сказала я громче, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я буду вести себя прилично. Я не буду учить Анну неподобающим движениям. Я… я выучу все, что нужно. Дайте мне время.

Он наклонил голову, рассматривая меня, как диковинную зверушку.

- Время, - повторил он. – У вас есть неделя. Если через неделю Анна не покажет прогресса – если она будет так же неуклюжа, так же робка и так же необразованна, как сейчас – вы уйдете. Без рекомендаций, без денег, без крыши над головой. Согласны?

Я кивнула, не в силах говорить.

- Вы свободны, - сказал он и отвернулся к окну.

Я вылетела из кабинета, как пуля. Закрыла за собой дверь, прислонилась к стене и выдохнула. Руки тряслись, в голове звенело, а на глазах предательски выступили слезы. Я не плакала. Я не буду плакать. Я просто… я выживу. Я выживу, чего бы это не стоило.

В столовой я не могла проглотить ни куска. Обед был из трех блюд: суп лапша, жаркое из свинины и какой-то десерт, но все это казалось резиновым. Я ковырялась в тарелке, думая о том, что через неделю меня выгонят, а я останусь одна в 1837 году без денег, без документов, без телефона, без надежды вернуться. И тут я поняла, что, возможно, я боялась не этого. Я боялась, что мне придется уйти от Анны. От этой тихой, пугливой девочки, которая первой улыбнулась мне, когда весь мир смотрел на меня как на чумную.

После обеда я поднялась к Анне. Она сидела в своей комнате, бледная, с красными глазами. Кажется, она тоже плакала.

- Настасья Владимировна, - сказала она, вставая. – Я так виновата перед вами. Я рассказала брату, что вы не знаете французского, и он все понял… Простите меня, я не хотела.

- Ты не виновата, Анна, - сказала я, садясь рядом с ней на кровать. – Он бы все равно узнал. Я не умею лгать, и, наверное, это моя беда.

Она взяла мою руку. Ее ладонь была холодной и тонкой, как у птички.

- Он сказал, что прогонит вас через неделю, если я не научусь чему-то. – Она всхлипнула. – Я не хочу, чтобы вы уходили. Вы первая, с кем я могу поговорить, первая, кто не смотрит на меня как на дуру, которая боится балов. Я… я могу вас научить.

Я уставилась на нее.

- Научить меня?

- Да, - сказала она с внезапной решимостью. – Вы не знаете правил, музыки, танцев. Но я знаю. Я училась всему, что положено леди. Если я буду учить вас, а вы будете делать вид, что учите меня, никто ничего не заподозрит. Никто не узнает, что вы ничего не умеете. Мы будем заниматься тайно, пока вы не освоитесь. А потом вы будете учить меня по-настоящему.

Я смотрела на нее и не верила своим ушам. Эта тихая, робкая девочка предлагала мне стать моим учителем. Причем тайно, чтобы никто не узнал.

- Ты серьезно? – спросила я.

- Вполне, - сказала она, и ее серые глаза загорелись. – Я устала быть пугливой мышью. Я хочу вам помочь. И если я научу вас, может быть, я и сама перестану бояться.

Я сглотнула. Горло сдавило, на глаза снова навернулись слезы – но теперь другие. Теплые.

- Спасибо, Анна, - сказала я. – Ты – чудо.

- Тогда договорились, - улыбнулась она. – Начнем сегодня же. С танцев. Только, бога ради, не показывайте мне больше ваших странных движений. Брат тогда точно нас убьет.

Мы рассмеялись. И, честно говоря, впервые за этот день я почувствовала, что все не так уж и плохо. У меня есть союзник.

- Итак, - сказала Анна, вставая и поправляя юбку. – Первое правило. Встаньте прямо, плечи расправьте, руки опустите. Никаких локтей на столах. Никаких ваших «окей». Начнем с поклона.

Я выпрямилась, как солдатик. Анна подошла, поправила мне осанку.

- Теперь наклоните голову, но не слишком низко. Как будто вы киваете знакомой, но не родственнице. Плавно, не резко. И… задержитесь на мгновение.

Я сделала. Почти. Мой локоть дернулся, я чуть не взмахнула рукой, но удержалась.

- Неплохо, - сказала Анна. – Теперь реверанс.

- Реверанс? – переспросила я. – Это когда приседаешь?

- Да. Отставьте правую ногу, согните колени, плавно опуститесь вниз, голову чуть наклоните. Как я.

Она показала. Легко, грациозно, как будто всю жизнь только и делала, что приседала. Я попыталась повторить. Отставила ногу, согнула колени, опустилась… и потеряла равновесие. Мой каблук зацепился за подол платья, я взмахнула руками, и, кажется, даже закричала.

Анна подхватила меня под локоть.

- Неплохо для начала, - сказала она, сдерживая улыбку.

- Ты смеешься? – спросила я.

- Немного, - призналась она, краснея. – Но это лучше, чем плакать.

Я рассмеялась, отряхнула платье.

- Ладно, давай еще раз. Только медленнее.

Мы повторили раз десять. К концу я худо-бедно могла сделать реверанс, не падая, но выходило это неуклюже, как у пингвина. Анна терпеливо поправляла, показывала, и я все больше уважала ее терпение.

- Теперь музыка, - сказала она и повела меня к угловому

фортепиано. – Садитесь. Я покажу вам основы.

Я села на край стула. Инструмент блестел темным лаком, клавиши были слоновой кости, и я вдруг вспомнила, что не знаю даже нот. В моей жизни были только наушники и плеер, а не нотные тетради.

Анна села рядом. Ее пальцы легко, почти невесомо, побежали по клавишам, и я услышала простенькую мелодию.

- Это гамма, - сказала она. – Повторяй за мной. До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до.

Я приложила руки к клавишам. Пальцы тряслись. Я нажала до, потом ре… но ми у меня вышло так фальшиво, что, казалось, даже в коридоре было слышно.

- Это не ми, - сказала Анна. – Это фа-диез.

- А разве это не все равно? – спросила я.

- Нет, - сказала она с легким ужасом. – Музыка – это точность.

Я вздохнула.

- Ну, мы еще такое не проходили.

Она засмеялась. Смех ее был звонким, как колокольчик.

- Мы будет заниматься каждый день, - пообещала она. – Вы научитесь. Я не сдамся. Только обещайте мне одну вещь: не рассказывайте брату о наших занятиях. Он не должен знать, что вы учитесь у меня.

- Обещаю, - сказала я.

Мы позанимались еще час. Я пыталась запомнить ноты, но в голове все смешалось в кашу. Вместо «до-ре-ми» я мысленно напевала Лепса, и когда Анна спросила, что я играю, я сказала: «Это французская народная мелодия». Она поверила, наверное.

Потом она снова взялась за мою осанку. Я делала реверансы до тех пор, пока ноги не начали дрожать. И под конец, когда я уже устала и почти отчаялась, Анна сказала:

- Настасья, у вас получается. Правда. Я никогда не видела, чтобы кто-то учился так быстро.

Я улыбнулась сквозь усталость. Она врала, конечно, чтобы меня подбодрить, но ее слова согревали.

А потом часы пробили восемь. Ужин.

Мы спустились вниз. Я снова сидела за столом прислуги, жевала кашу и думала о том, что в этой безумной игре я должна казаться нормальной, пока Анна втайне учит меня быть приличной. Кто-то иронично: гувернантка учится у своей ученицы.

Я смотрела на свое отражение в темном окне и видела там не растерянную девушку из 21 века, а ту, которая постепенно привыкала к этому платью, с этим туфлям, к этому веку. И кто знает, может, через неделю я все-таки смогу сделать идеальный реверанс. Или хотя бы не упасть при этом.

Ночью, лежа в постели, я смотрела на свой телефон, который все еще был мертв. Я нажала кнопку включения – ничего. Он так и лежал на тумбочке, черный, безжизненный, как прошлая жизнь, которая осталась за дверью.

- Завтра будет лучше, - сказала я. И закрыла глаза.

И в этот момент я поняла, что впервые за долгое время я не думала о возвращении. Я думала о том, как научусь танцевать, чтобы не опозориться перед князем. И о том, что Анна, возможно, единственная, кто когда-либо по-настоящему

в меня верила.

Уснула я с улыбкой. И мне приснился князь. Почему-то не холодным, а улыбающимся. Но проснулась я с мыслью: «Это был просто сон. Потому что он никогда не улыбнется».

А утром – новый день. Новый урок. Новый шанс.

Я надела платье, затянула корсет и пошла к Анне. И только оказавшись в ее комнате, я сказала:

- Я готова. Учи меня всему, чему только можно.

И мы начали.

До обеда мы учили английский (Анна знала его лучше меня), потом играли на фортепиано (я снова фальшивила), потом она учила меня правильному поведению за столом: где лежит вилка, какой ложкой есть суп, почему нельзя ставить локти и почему ножи кладут справа.

- Это не логично, - стонала я. – У меня от этих ложек голова идет кругом.

- Тридцать раз повторите, и запомните, - говорила Анна.

Я брала вилку, смотрела на нее, как на врага, и перекладывала на нужное место. Анна терпеливо ждала.

К трем часам я почувствовала себя профессором этикета, только без диплома. А потом пришло время обеда. И, сев за стол, я механически взяла вилку левой рукой.

Анна легонько коснулась моего локтя.

- Правой, Настасья Владимировна. Правой.

Я переложила. Красная, как рак. Но улыбнулась и сделала вид, что так и надо.

В конце дня, когда солнце уже садилось за окном, Анна сказала:

- Завтра я научу вас играть менуэт. Это трудно, но вы справитесь.

- Я справлюсь, - сказала я. И я почти сама в это поверила.

Я вышла из ее комнаты и столкнулась нос к носу с князем Андреем. Он стоял в коридоре с книгой в руке, и его взгляд упал на меня, слегка приподнял бровь.

- Вы выглядите уставшей, - сказал он безразлично.

- У меня был тяжелый день, - ответила я. – Учила вашу сестру этикету.

- И как успехи?

- Она – замечательная ученица. Весьма способная.

Он посмотрел на меня с легким подозрением, но промолчал.

- Рад это слышать, - сказал он и прошел мимо.

Я выдохнула.

И в этот момент я поняла, что игра, которую мы затеяли, - это самая большая авантюре в моей жизни. И она определенно стоит того, чтобы в ней участвовать. Даже если это будет стоить мне мозолей, ушибленных коленей и позора перед князем.

Но ради Анны – и ради самой себя – я готова была на все. Даже на то, чтобы научится танцевать менуэт.

Что, кстати, оказалось сложнее, чем я думала. Гораздо

сложнее.

Глава 7

Утро началось с того, что в мою дверь постучали так настойчиво, будто за ней стоял сам князь с приказом о моей немедленной казни. Я подскочила на кровати, чуть не свалилась с нее, наступила на кеды (которые все еще стояли в углу) и, спотыкаясь, открыла дверь.

На пороге стояла Анна. Бледная, но с горящими глазами.

- Настасья Владимировна, - сказала она шепотом. – У меня новости. Сегодня вечером в нашем доме званый ужин. Будут гости из высшего общества. Брат приказал, чтобы вы были рядом со мной весь вечер.

Я замерла. Медленно перевела взгляд на ее лицо, надеясь, что она шутит. Но она не шутила.

- Званый ужин? – переспросила я. – Гости? Высшее общество? Я?

- Да, - кивнула она. – Брат сказал, что вы, как моя гувернантка, обязаны присутствовать и следить за моим поведением. И заодно поддерживать беседу с гостями.

- Поддерживать беседу? – мой голос стал писклявым. – Анна, я не знаю, как поддерживать беседу с высшим обществом! Я не знаю, о чем с ними говорить! О погоде? О политике? О последних сплетнях? Я даже не знаю, кто в этом веке правит страной! То есть знаю, но от волнения забыла…

- Император Всероссийский, царь Николай, - подсказала она. – Но лучше не говорить о политике. Лучше о литературе, музыке, о погоде. И не употребляйте ваши странные слова вроде «окей» и «круто».

Я схватилась за голову.

- Я умру. Я точно умру. Меня выгонят с позором, и я буду жить в лесу с медведями.

- Не умрете, - сказала Анна с твердостью, которой я в ней раньше не замечала. – Я вас научу. Всему. У нас есть целый день. Вы будете знать, как обращаться к титулованным особам, какие темы поднимать, какие – избегать. Я не позволю вам опозориться.

Я посмотрела на нее – на эту хрупкую, робкую девушку, которая вчера боялась даже выйти из комнаты, а сегодня предлагала меня учить. В ней что-то изменилось. Или мне

просто казалось?

- Ладно, - сказала я, выдыхая. – Учи меня. Спасай.

И начался ад.

Анна водила меня по комнате, как дрессировщик, и начитывала правила:

- Во-первых, вы не должны молчать, когда к вам обращаются. Во-вторых, вы не должны говорить слишком много. В-третьих, не смейте касаться локтями стола. В-четвертых, не пейте больше двух бокалов вина. В-пятых, улыбайтесь, но не показывайте зубы.

- Как это – не показывать зубы? – спросила я, скалясь.

- Вот так нельзя, - сказала Анна, закрывая мне рот рукой. – Улыбайтесь закрытым ртом. Как будто вы знаете тайну, но не говорите ее.

- А если я засмеюсь?

- Не смейтесь громко. Смех должен быть тихим, благородным.

Потом мы репетировали приветствия: кому говорить «ваше сиятельство», кому «ваша светлость», а кому просто «сударь». Я путалась, называла графа «ваше благородие», а княгиню «барыня», и Анна вздыхала с таким видом, будто я была безнадежна.

- Называйте всех «сударь» и «сударыня», если не уверены, - сказала она наконец. – Это безопасно.

- А если я кого-то обижу?

- Лучше обидеть, чем опозорить род Ростовских, - сказала она, и это прозвучало почти как цитата ее брата.

К четырем часам дня я знала, какие вилки для чего предназначены, как держать спину, чтобы не умереть от усталости, и какие темы можно обсуждать с дамами, а какие – с мужчинами. С мужчинами – о погоде и лошадях. С дамами – о погоде, модах и последних новостях, которые, по словам Анны, были сплетнями.

- Сплетничать – это нормально? – спросила я.

- Нормально, - ответила Анна. – Только делайте вид, что вам это неприятно.

- То есть я должна сплетничать, но делать вид, что я не сплетничаю?

- Именно. Это аристократический этикет.

Я почувствовала, что моя голова сейчас взорвется.

В шесть часов вечера меня позвали одеваться. Марфа Игнатьевна и две служанки ввели меня в комнату, где на кровати уже лежало платье, от которого у меня перехватило дыхание. Это было нечто. Небесно-голубого цвета, из тяжелого шелка, с кружевным лифом, длинными рукавами и юбкой, которая занимала половину комнаты. Рядом – туфли на небольшом каблуке, расшитые бисером. И украшения: нитка жемчуга и маленькие серьги.

- Это все мне? – спросила я, не веря своим глазам.

- По распоряжению князя, - ответила Марфа Игнатьевна. – Вы должны выглядеть достойно. И, сударыня, не вздумайте одевать вашу обувь. – Покосила взгляд на мои кеды.

- Я и не собиралась, - обиженно сказала я, хотя втайне подумывала об этом.

Меня одевали почти час. Корсет затянули так, что я забы-

ла, что такое глубокий вдох. Прическу делали с особой тщательностью: волосы уложили в замысловатый узел, украсили жемчужной заколкой, несколько локонов оставили по бокам. Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Передо мной стояла не Настя из 21 века с кроссовками и бутербродом, а настоящая аристократка, которую можно было представить на портрете.

- Красиво, - сказала я.

- Прилично, поправила Марфа Игнатьевна.

- Прилично и красиво, - согласилась я.

В семь часов вечера зал приема уже был готов к приему гостей. Я спустилась вниз и замерла на пороге. Особняк преобразился: огромный зал с высокими потолками, колоннами из белого мрамора, хрустальными люстрами, которые горели сотнями свечей. Паркет блестел, как зеркало, стены украшали тяжелые портреты и картины. Вдоль стен стояли стулья с бархатными сиденьями, а в центре – длинный стол, накрытый белой скатертью, с фарфором, хрусталем и серебром.

За окном уже вечерело: июньское солнце клонилось к закату, окрашивая небо в теплые оранжево-розовые тона. Ветер почти не чувствовался, и в открытые окна влетал запах

скошенной травы и цветущих лип. Где-то вдалеке стрекотали сверчки, и я поймала себя на мысли, что, несмотря на все, этот мир был прекрасен.

Гости начали съезжаться. Кареты одна за другой подъезжали к крыльцу, слуги помогали выходить дамам в роскошных нарядах и кавалерам в мундирах или фраках. Я стояла у стены, рядом с Анной, и старалась дышать ровно, хотя корсет напоминал мне о своем существовании при каждом вздохе.

Первым вошел пожилой граф с бакенбардами и орденами на груди. Он был важен и медлителен, говорил с князем Андреем о чем-то политическом. Я улыбнулась ему закрытым ртом (как учила Анна). Граф на меня не посмотрел.

Потом вошла графиня в изумрудном платье, с высокой прической, похожей на башню. Она прошла мимо меня, окинув взглядом с головы до ног, и улыбнулась уголками губ.

- А это ваша гувернантка? – спросила она у Анны. – Какая милая. Такая юная.

Анна покраснела и что-то прошептала в ответ. Я поклонилась.

- Ее зовут Анастасия Зарецкая, - раздался голос сзади. Я обернулась. Князь Андрей стоял рядом, высокий, в черном сюртуке с белым галстуком, и смотрел на гостей. – Она наследница богатого состояния, но по скромности предпочитает жить как гувернантка.

Я чуть не подавилась воздухом. Что? Наследница? Богатая? Я? Князь смотрел на меня с легкой усмешкой, и я поняла, что он просто забавляется. Он решил сделать из меня шутку на вечер: представить странной богатой наследницей, чтобы смотреть, как я буду выкручиваться.

Графиня уставилась на меня с новым интересом.

- Наследница? – переспросила она. – Как интересно. А какого рода, позвольте узнать?

- Мелкопоместного, - соврала я, стараясь говорить тихо и изящно, как учила Анна. – Но я не люблю говорить о деньгах. Это так… вульгарно.

Графиня улыбнулась шире.

- Какой у вас забавный выговор, душа моя. И откуда вы родом?

Я запаниковала. Мой выговор? Ну да, я говорила без придыхания и без старомодных словечек. В 1837 году я звучала как иностранка.

- Я… я из Петербурга, - сказала я первое, что пришло в голову.

- Из Петербурга? – она прищурилась. – Но там говорят иначе.

- Я много путешествовала, - нашлась я. – Англия, Франция… Это повлияло на мою речь.

Графиня покивала, видимо, приняв ответ, и отошла к другим гостям. Я выдохнула и бросила взгляд на князя. Он стоял в стороне, с бокалом в руке, и смотрел на меня с непроницаемым лицом. Но мне показалось, что в его глазах мелькнула искорка смеха.

- Ты справилась, - прошептала Анна, сжимая мою руку. – Отлично.

- Спасибо, - сказала я. – Но я еще не знаю, что будет дальше.

А дальше было хуже.

Мужчины начали подходить ко мне. Один – молодой, в военном мундире, с усами и наглым взглядом. Он представился как поручик Кулагин и сразу спросил:

- Вы, говорят, богатая наследница. Почему же вы не на балу, а здесь, в гувернантках? Это ведь так скучно.

Я мило улыбнулась.

- Мне нравится учить детей. Это благородное занятие.

- Благородное? – он усмехнулся. – Я бы сказал, это для тех, кто не находит себе лучшего применения.

Я почувствовала, как краснею. Хотела ответить что-то язвительное, но сдержалась, вспомнив наставления Анны.

- Каждый видит свое призвание по-разному, - сказала я. – Я, например, вижу свое призвание в том, чтобы не делать поспешных выводов о людях.

Он опешил, но быстро нашелся и отошел, бросив на меня странный взгляд.

Следующим был пожилой мужчина с моноклем, который

долго рассматривал меня, будто я была экспонатом в музее.

- Вы очень напоминаете мне одну даму… - начал он. – Она жила в Италии. Очень красивая, но сварливая. Вы случайно не ее родственница?

- Нет, - сказала я. – Я никого не напоминаю. Я – это я.

- Восхитительный ответ, - сказал он и откланялся.

Я поняла, что эти люди воспринимают меня как диковинку. Князь Андрей явно представил меня как богатую наследницу, чтобы посмотреть, как я буду балансировать на грани провала. И, кажется, я давала ему хорошее представление.

Тем временем Анна стояла в тени, рядом с колонной, и почти не участвовала в беседах. Но я заметила, что один молодой человек – князь Александр Лебедев, высокий, светловолосый, с теплыми зелеными глазами – то и дело бросал на нее взгляды. Она отвечала ему украдкой, с легким румянцем, и когда их взгляды встречались, они почти незаметно улыбались.

Я хотела спросить ее, но решила не вмешиваться. Если она захочет – расскажет сама.

- А вы, сударыня, - сказал кто-то рядом, и я повернулась.

Передо мной стоял князь Андрей. Его глаза смотрели на меня пристально, но в них не было тепла. Только холод и любопытство.

- Вы неплохо держитесь, - сказал он тихо, чтобы никто не слышал. – Я думал, вы уже сбежали или упали в обморок.

- Я крепкая, - ответила я. – Но зачем вы представили меня наследницей? Это же не правда. Теперь все будут ко мне приставать.

- Это развлечение, - сказал он с легкой улыбкой. – Я хочу посмотреть, как вы выкрутитесь. Если вы действительно из будущего, то должны уметь выкручиваться из любой ситуации.

Я хотела сказать ему что-то резкое, но сдержалась.

- Я выкручусь, - сказала я. – И докажу, что вы ошибаетесь.

- Будем считать, что это пари, - сказал он и отошел.

Я проводила его взглядом и пошла к Анне. Она стояла у окна, почти скрытая портьерой.

- Ты заметила? – спросила я шепотом. – Того князя? Лебедева?

Она покраснела до корней волос.

- Я… я не знаю, о чем вы, Настасья Владимировна.

- Знаешь, - сказала я. – Он на тебя смотрит. И ты на него. И это мило.

- Пожалуйста, никому не говорите, - взмолилась она. – Брат не разрешает мне даже думать о знакомствах. Он скажет, что я слишком юна и глупа.

- Я никому не скажу, - пообещала я. – Но если он тебе нравится, ты должна узнать его лучше. Только осторожно.

Она благодарно улыбнулась, и мы вернулись в зал. Ужин начался. Меня посадили между графиней и военным поручиком. Я вспомнила все уроки Анны о приборах и смогла не запутаться в вилках. Но это было тяжело: Я смотрела на других гостей, повторяла их движения и ни разу не ошиблась. К середине ужина я почувствовала себя почти уверенно, хотя внутри все дрожало.

Князь Андрей сидел во главе стола, говорил с другими мужчинами, но то и дело бросал на меня взгляды. Я делала вид, что не замечаю, но внутри у меня все кипело. Я решила, что с этим вечером покончено, когда наконец подали десерт.

Но гости не расходились. Они перешли в гостиную, где музыка, разговоры, смех. Я стояла в стороне, пыталась сохранить лицо. И тут ко мне подошел молодой человек, который до этого не обращал на меня внимания.

- Вы не танцуете, сударыня? – спросил он.

- Я не сильна в танцах, - ответила я.

- Это можно исправить, - сказал он и протянул руку.

Я, паникуя, вспомнила, что Анна учила меня менуэту. Я взяла его руку и вышла в центр. Мы начали танцевать, и я с ужасом поняла, что мои ноги двигаются не так, как надо. Я наступила ему на ногу. Он улыбнулся, но я покраснела. Потом я запуталась в юбке и чуть не упала.

- Простите, - прошептала я. – Я всегда такая неуклюжая.

- Это ничего, - сказал он и отвел меня обратно.

Я отошла к стене и поняла, что князь Андрей смотрит на меня с явным удовольствием. Он видел мой позор и наслаждался им.

Но я собралась. Улыбнулась гостям, даже тем, кто смотрел на меня с насмешкой. Я говорила о погоде, о литературе, о модах, избегая политики. И в конце вечера, когда гости начали разъезжаться, я поняла, что выжила. Я сделала это. Я пережила званый ужин в 1837 году.

Анна подошла ко мне, сжала мою руку.

- Вы были великолепны, - сказала она.

- Только не говорит это вслух, - ответила я. – Я еще не верю в это.

И, когда последняя карета уехала, я поднялась в свою комнату, упала на кровать и прошептала:

- Я сделала это. Черт возьми, я сделала это.

В дверь постучали. Я открыла. На пороге стоял князь Андрей. В руках он держал бокал с чем-то темным.

- Вы не опозорились, - сказал он. – Признаюсь, я ожидал

худшего.

- Рада, что я вас не разочаровала, - сказала я с вызовом.

Он улыбнулся – впервые за все время. И это была не насмешка, а что-то другое. Я не поняла что, но это согрело меня.

- Спокойной ночи, - сказал он.

И ушел.

А я осталась стоять в коридоре, в полной растерянности, с чувством, что я выиграла этот раунд. Но война продолжалась. И она только начиналась.

Глава 8

Я проснулась оттого, что в окно бил яркий солнечный свет, а за дверью кто-то возился. Я открыла глаза и огляделась. На тумбочке стоял кувшин с водой и серебряный колокольчик. Рядом висело платье – нежно-розовое, шелковое, с кружевами.

Я села на кровати и хлопнула себя по щеке. Больно. Это не сон. Я все еще в 19 веке.

И тут в дверь постучали.

- Войдите, - сказала я, натягивая одеяло до подбородка.

Дверь открылась, и вошла Марфа Игнатьевна, а за ней – две служанки с тазиком воды, полотенцем и еще одним платьем, уже вишневого цвета.

- Проснулись, княгиня? – спросила экономка с легкой улыбкой. – Князь приказал переселить вас в гостевые покои. Теперь вы будете жить там.

Я уставилась на нее с открытым ртом.

- Ваши странные башмаки мы убрали в шкаф, - спокойно ответила Марфа Игнатьевна. – Князь распорядился, чтобы вы носили только подобающую обувь. И вас отныне будут называть княгиней Анастасией, потому что на званом вечере так представил вас князь. Слуги уже получили указания.

Я сползла с кровати, подошла к окну и посмотрела вниз. Там был сад – огромный, зеленый, с цветущими кустами и дорожками. Все было по-настоящему. И я была в центре всего этого, как принцесса из сказки.

- Но зачем? – спросила я, оборачиваясь. – Зачем ему это нужно?

- Князь не любит, когда его слова ставят под сомнение, - сказала Марфа Игнатьевна. – Он представил вас как богатую наследницу – значит, вы будете ею для всех, включая слуг. И, сударыня… - она сделала паузу, - он сказал, что вы будете обедать вместе с ним и княжной Анной. Отныне вы не прислуга. Вы – гостья.

Я прислонилась к подоконнику, чувствуя, что мир снова перевернулся. Еще недавно меня чуть не выгнали за неуместные танцы. А сегодня я – княгиня Анастасия, которая обедает с самим князем Ростовским.

- Он что, издевается? – спросила я.

- Князь не издевается, - жестко ответила экономка. – Он принимает решения. И вам следует их уважать. А теперь извольте одеваться. Завтрак будет подан в малой столовой через час.

Она вышла, и я осталась стоять посреди комнаты в полном шоке.

Я оделась с помощью служанок. Розовое платье сидело идеально – видимо, его шили специально для меня, пока я спала. Волосы уложили в высокую прическу, украсили жемчугом. Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Эту девушку можно было отправить на бал, и никто бы не усомнился, что она – аристократка.

- Вы прекрасно выглядите, княгиня, - сказала служанка и поклонилась.

- Спасибо, - пробормотала я, чувствуя себя самозванкой.

Завтрак был в малой столовой - небольшой комнате с круглым столом, накрытым на троих. У окна стоял князь Андрей с газетой в руках, Анна сидела напротив него и улыба-

лась мне, когда я вошла.

- Доброе утро, Настасья Владимировна! – сказала она радостно. – Как спалось?

- Спасибо, хорошо, - ответила я, садясь. – Но я все еще не понимаю, почему я здесь.

Князь опустил газету и посмотрел на меня. В его взгляде не было холода – только привычная серьезность.

- Потому что я так решил, - сказал он. – Вы показали себя на вечере. Вы не опозорились. Вы держались как леди. Я счел, что вы заслужили более достойное положение в моем доме.

Я почувствовала, как внутри закипает возмущение.

- То есть вы могли бы сделать это раньше, но не сделали, чтобы проверить меня?

- Именно, - спокойно ответил он. – Я должен был убедиться, что вы не провалитесь. Вы не провалились. Теперь вы – княгиня Анастасия. Привыкайте.

Я хотела возразить, но тут подали завтрак – и все мысли

вылетели из головы.

На столе стояли тарелки с горячими блинчиками, сметана, варенье, свежие яйца, ветчина, сыр, свежий хлеб и маленькие пирожки с мясом. Я почувствовала, как у меня потекли слюнки. Вспомнив кашу прислуги, я поняла, что наконец-то попала в рай.

- Вы будете есть? – спросил князь, глядя на мои горящие глаза.

- Еще как, - ответила я и наложила себе полную тарелку.

Еда была восхитительной. Блинчики таяли во рту, ветчина была нежной, сыр – ароматным. Я ела с таким аппетитом, что даже князь поднял бровь.

- У вас отличный аппетит, Настасья Владимировна, - сказал он.

- У меня вчера был тяжелый день, - ответила я с набитым ртом. – И ночь. И жизнь в целом.

Он усмехнулся – едва заметно, но я увидела.

Анна смотрела на меня с обожанием и тоже взяла блин-

чик, подражая моей манере есть с удовольствием.

После завтрака мы с Анной отправились в сад. Он был огромным – с аллеями, беседками, прудом и цветниками. Мы ходили по дорожкам, читали книги, которые Анна прихватила с собой.

- Ты знаешь Пушкина? – спросила она, открывая томик.

- Конечно, - сказала я. – «Я вас любил, любовь еще быть может…»

- О, вы знаете! – оборвала она. – А Лермонтова?

- «Белеет парус одинокий», - процитировала я.

- Вы удивительная, - сказала Анна. – Вы знаете так много, но при этом ничего не знаете о танцах.

- Это забавное сочетание, да? – улыбнулась я.

Мы сели в беседке, и Анна начала учить меня танцевать на траве. Это было смешно. Я снова путала ноги, наступала на платье, падала. Но Анна терпеливо показывала, и я постепенно начала запоминать движения.

- Настасья Владимировна, вы должны чувствовать музыку! – говорила она.- Я чувствую, - отвечала я. – Но мои ноги чувствуют что-то другое.

Она смеялась так звонко, что птицы в саду взлетели с веток. И я тоже смеялась, потому что в этом мире, где все было так странно и чуждо, я нашла маленькую подругу.

А вечером, когда солнце уже садилось, мы сидели в гостиной. Я, Анна и князь. Князь Андрей работал за столом – писал письма, что-то читал. Анна вышивала – у нее получалось красиво, аккуратными стежками. А я сидела с картами в руках и училась играть в дурака.

- Настасья, - сказала Анна, - можно я научу вас вышивать?

- Я лучше сыграю в карты, - ответила я. – Хотя, если честно, это я тоже не умею.

- Я покажу вам, - предложила она.

Я вздохнула и взяла пальцы. Игла в моих руках была как враг. Я пыталась сделать стежок, но нитка путалась, ткань морщилась, и вышивка получалась нелепой, как детский рисунок.

- У вас криво, - заметил князь, не поднимая головы от писем.

- Спасибо, я заметила, - ответила я сквозь зубы.

- Попробуйте ровнее, - сказал он, и в голосе послышалась легкая насмешка.

Я сжала челюсти и продолжила. Через пять минут я бросила вышивку, взяла карты и начала учиться играть в дурака с Анной. Анна выиграла три раза подряд.

- Вы ужасно играете, - сказала она с улыбкой.

- Я не умею ничего, - вздохнула я.

В этот момент князь поднял голову и посмотрел на меня. В его взгляде не было претензия – только любопытство.

- Вы умеете многое, - сказал он неожиданно. – Вы умеете говорить, не теряясь перед высшим светом. Вы умеете быть собой, если даже это странно. Вы… - он замолчал, подбирая слово, - необычная.

Это был комплимент. Самый странный, самый ледяной комплимент, который я когда-либо слышала. Но я улыбну-

лась.

- Спасибо, - сказала я. – Я тоже считаю вас необычным.

Он чуть приподнял бровь, но ничего не ответил. За окном уже стемнело. Лампа освещала его лицо, и я увидела, что он смотрит на меня дольше, чем обычно. Наверное, привыкал.

***

Прошла неделя. Я привыкла к новой жизни. Просыпалась в шикарной комнате, завтракала с князем и Анной, гуляла в саду, училась танцам и разбиралась в этикете. Я начала понимать, как устроен этот мир: кто есть кто, как разговаривать со слугами, как держать вилку, как кланяться, когда входишь в комнату. Я даже научилась не показывать зубы при улыбке.

Анна научила меня играть на фортепиано. У меня все еще фальшивило, но я могла сыграть простую мелодию, не вызывая паники у слуг.

- Вы делаете успехи, - говорила Анна. – Еще месяц, и вы сможете играть на балу.

- Я не собираюсь играть на балу, - отвечала я. – Я просто хочу выжить.

И, что самое удивительное, я начала чувствовать себя здесь как дома. Я знала все коридоры, всех слуг по именам. Я знала, когда подают обед, когда приходит почта, когда князь работает, а когда он отдыхает. Я знала, что его любимый кофе – черный, что он не выносит шума, и иногда может долго смотреть в окно и молчать.

И я знала, что он все чаще смотрит на меня. Не с тем холодом, как вначале, а с каким-то новым, странным интересом. Я ловила его взгляды, когда мы играли в карты. Я чувствовала его внимание, когда он говорил со мной. Он все еще был неразговорчив, но его взгляд становился мягче, когда я рассказывала о своих современных привычках, которые он считал чудачеством.

- Вы странная, - сказал он однажды, когда мы сидели в гостиной. – Вы говорите о еде так, будто она – лучшее, что есть в жизни.

- Это и есть лучшее, - ответила я. – Еда – это радость. Особенно когда она вкусная.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой.

- Вы – ребенок, - сказал он.

- Я взрослая женщина, - возразила я. – Просто я не умею притворяться, что мне не нравится еда.

Он покачал головой, но его глаза смеялись. Это было впервые. Впервые я видела его почти счастливым.

Анна тоже изменилась. Она стала более открытой, разговорчивой. Она перестала бояться смотреть на гостей во время их редких визитов. И я заметила, что она все чаще смотрит на свою вышивку и мечтательно вздыхает. Возможно, думала о князе Лебедеве.

Я не спрашивала ее. Она расскажет сама, когда будет готова.

Однажды вечером, когда мы сидели втроем, князь спросил:

- Анна, как проходят ваши занятия?

- Замечательно, брат, - ответила она с румянцем. – Настасья Владимировна – замечательный педагог. Она учит меня новым взглядам на жизнь.

- Новым взглядам? – он приподнял бровь. – Это звучит

подозрительно.

- Я учу ее не бояться, - сказала я. – И не бояться быть собой. Это важнее этикета.

Он долго смотрел на меня, потом медленно произнес:

- Вы опасны, Настасья Владимировна.

- Я? – удивилась я.

- Да. Вы разрушаете устои.

Я хотела ответить, но почувствовала, что он не шутит. Он говорил всерьез. И я поняла, что в какой-то степени он прав. Я разрушала его порядок, его правила, его мир. Но, возможно, именно это было ему нужно.

Мы ушли спать поздно. Я шла по коридору в свою комнату, и в голове крутились мысли о князе. О том, как он смотрел на меня. О том, как я чувствовала его взгляд даже тогда, когда он писал письма. Это было странное чувство – я привыкала к нему, и он привыкал ко мне.

На следующее утро я проснулась и первым делом выглянула в окно. Сад был покрыт росой, солнце поднималось

над горизонтом, птицы пели. Все было так же, как вчера. Но внутри меня что-то изменилось. Я больше не хотела домой. Я хотела остаться здесь. Ради Анны. Ради князя. Ради самой себя.

- Что ты делаешь со мной? – прошептала я, глядя на небо. – я не знаю, кто я теперь. Но я знаю, что хочу остаться.

И в этот момент я поняла, что моя жизнь разделилась на две части: до падения и после. И вторая часть была странной, трудной, но удивительной. И я была готова прожить ее до конца.

А вечером, когда мы снова сидели в гостиной, князь сказал:

- Завтра приедет князь Лебедев. Он просил разрешения навестить нас.

Я взглянула на Анну. Она покраснела, как маков цвет, и опустила глаза. Я улыбнулась.

- Это будет чудесный день, - сказала я.

Князь посмотрел на меня с подозрением.

- Вы знаете что-то, что я не знаю?

- Я ничего не знаю, - ответила я с невинным видом. – Я просто рада за гостей.

Анна посмотрела на меня с благодарностью. И я поняла, что наша игра продолжается. Только теперь в ней появился новый игрок. И я знала, что это изменит все.

Глава 9

Я проснулась с чувством, что сегодня будет особенный день. Солнце светило ярче обычного, птицы пели громче, а в коридорах особняка витало какое-то необычное волнение. Слуги сновали туда-сюда с озабоченными лицами, и я поняла: ждут гостя.

За завтраком Анна была тише воды, ниже травы. Она ковыряла вилкой яичницу, не поднимая глаз, и на ее щеках горел лихорадочный румянец. Князь Андрей читал газету и, казалось, не замечал ни ее волнения, ни моего любопытного взгляда.

- Анна, ты сегодня сама не своя, - заметил он, наконец, отрываясь от газеты. – У тебя жар?

- Нет, братец, - ответила она тонким голосом. – Все хорошо.

Я бросила на нее многозначительный взгляд, но она сделала вид, что не заметила.

- К нам сегодня приедет князь Лебедев, - сказала Андрей,

сворачивая газету. – Он просил позволения навестить нас. Надеюсь, вы обе будете вести себя подобающе.

- О, непременно, - сказала я с едва сдерживаемой усмешкой. – Мы будем образцом благопристойности.

Анна покраснела так, что даже уши стали розовыми.

Князь ничего не заметил или сделала вид, что не заметил.

К обеду прибыл князь Лебедев. Александр – молодой, светловолосый, с зелеными глазами, в безупречном синем сюртуке – сошел с кареты, окинул взглядом дом и улыбнулся, когда увидел нас на крыльце. Вернее, когда увидел Анну. Она стояла рядом со мной, в светло-сиреневом платье, с опущенными глазами, но я видела, как дрожат ее руки.

- Князь Александр, - произнесла она шепотом, и в этом шепоте слышалось все: и волнение, и радость, и страх.

- Княжна Анна, - ответил он с легким поклоном, и его глаза задержались на ней чуть дольше, чем позволяли приличия.

Я смотрела на них и едва сдерживала улыбку. Они были как герои романа: он – смелый и галантный, она – робкая и

трепетная. И только князь Андрей, стоявший чуть позади, смотрел на гостя с обычной ледяной вежливостью, ничего не подозревая.

Ужин был долгим и томительным. Александр сидел напротив Анны и почти не сводил с нее глаз. Она то и дело краснела, опускала голову, но изредка отвечала ему взглядом, полным надежды. Я же наслаждалась этим спектаклем. Князь Андрей говорил о политике, о погоде, о лошадях, а я следила за маленькими тайными сигналами, которыми обменивались влюбленные.

- Вы сегодня особенно молчаливы, княжна, - заметил Лебедев, поворачиваясь к Анне. – У вас все хорошо?

- Все прекрасно, - ответила она с легким заиканием. – Просто… я немного устала.

- Тогда вам стоит отдохнуть, - сказал он мягко. – Может, прогуляться в саду? Говорят, у вас там дивные розы.

- Розы чудесные, - вмешалась я, видя, что Анна теряется. – Мы с княжной часто гуляем там. И если вы пожелаете, после ужина она может показать вам сад.

Анна благодарно посмотрела на меня, а князь Андрей

бросил на меня короткий нечитаемый взгляд. Но я была невозмутима.

После ужина мужчины удалились в кабинет. Я осталась с Анной в гостиной. Она сидела на диване, комкая платок в руках, и нервно поглядывала на дверь.

- Он попросит моей руки, - прошептала она. – Я знаю. Я чувствую.

- Откуда ты знаешь? – спросила я.

- Он смотрел на меня весь вечер. Так смотрят, когда собираются сделать предложение, - она вздохнула. – Но брат… он не согласится. Я знаю его. Он считает, что я слишком юна, что не готова к замужеству.

- Ты готова, Анна, - сказала я. – Ты сильная. Ты можешь за себя постоять.

Она сжала мою руку. Мы ждали.

Прошел час. В гостиную никто не входил. Тишина нарушалась только тиканьем старинных часов. Анна встала, прошла к окну, но ничего не увидела. Я тоже волновалась, хотя старалась не показывать.

А потом мы услышали шаги. Тяжелые, быстрые. Кто-то шел по коридору. Дверь распахнулась, и вошел князь Лебедев. Его лицо было бледным, глаза – холодными, и он бросил на Анну короткий, болезненный взгляд, полный горечи.

- Прощайте, княжна, - сказал он сухо. – Я должен уехать.

- Что? – выдохнула Анна. – Почему?

- Ваш брат… отказал мне, - сказал он, и голос его дрогнул. – Он не хочет, чтобы я приближался к вам. Я вынужден подчиниться.

Она побледнела, как полотно, и я увидела, как ее руки начали дрожать.

- Но почему? – прошептала она.

- Это долгая история, - ответил он. – Простите меня. Я не хотел причинять вам боль.

Он поклонился, бросил на нее последний взгляд, полный любви и отчаяния, и вышел. Через минуту мы услышали, как за окном застучал копыта его кареты.

Анна стояла неподвижно, глядя в пустоту. А потом в комнату вошел князь Андрей. Он был хмур, мрачен, и его глаза сверкали гневом.

- Он просил твоей руки, Анна, - сказал он холодно. – И я отказал ему. Ты слишком юна, и я не допущу, чтобы ты связала свою жизнь с человеком, чей род опозорен.

- Опозорен? – переспросила Анна, и в ее голосе впервые прозвучала сталь. – Что ты имеешь в виду?

- Его младшая сестра сбежала с офицером, - отчеканил Андрей. – Позор на весь род Лебедевых. Я не позволю, чтобы подобное случилось с нашей семьей. Ты не выйдешь за него, и точка.

Анна смотрела на него с расширенными глазами. А потом произошло нечто невероятное. Она, тихая, робкая, пугливая Анна, встала во весь рост, сжала кулаки и закричала:

- Как ты смеешь решать за меня! Я не хочу твоих советов, твоей опеки, твоей проклятой заботы! Я люблю его! И если ты не разрешишь мне быть с ним, я сбегу с ним тайно! Слышишь? Сбегу! И ты никогда меня больше не увидишь!

Князь Андрей замер. Я никогда не видела его таким. Он

был бледен, его челюсти сжались, глаза метали молнии.

- Ты не посмеешь, - сказал он тихо, но в этом голосе было столько угрозы, что я поежилась.

- Посмею! – крикнула Анна. – Ты не имеешь права держать меня в клетке! Я не Ольга!

И тут она разрыдалась, закрыла лицо руками и выбежала из комнаты. Хлопнула дверь, и наступила тишина. Только я и князь Андрей. Он стоял неподвижно, и его дыхание было тяжелым, прерывистым. Он смотрел на дверь, за которой скрылась сестра, и я видела, как его лицо искажается от ярости.

А потом он повернулся ко мне. Я сделала шаг назад, потому что в его глазах было что-то такое, отчего мне стало страшно.

- Это ваша работа, - сказал он глухим, злым голосом. – Вы. Вы сделали из нее бунтарку. Вы научили ее перечить мне, спорить, угрожать. До вашего появления она была послушной девочкой, которая знала свое место.

- Это не я, - начала я, но он перебил.

- Молчите! – рявкнул он. – Я знаю, что вы сделали. Вы – чужая, непонятно откуда взявшаяся особа, которая принесла в мой дом хаос, разрушила покой, испортила мою сестру. Я видел, как вы учили ее танцевать, как вы смеялись, как вы говорили с ней о том, о чем не говорят приличные девушки. Вы – яд, Настасья. Вы отравили ее своим безумием.

Я сглотнула. Слова резали, как лезвия.

- Я не хотела ничего плохого, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я просто хотела помочь ей стать увереннее.

- Увереннее? – он усмехнулся, и его смех был горьким, ядовитым. – Вы сделали из нее строптивую дуру, которая готова разрушить свою жизнь ради человека, о котором ничего не знает. И в этом виноваты вы. Только вы.

- Я не виновата, - сказала я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. – Я не могла знать, что это случится. Я не знала о сестре Лебедева.

- И поэтому вы думаете, что невиновны? – он шагнул ко мне, и я инстинктивно отступила к стене. Он навис надо мной, высокий, темный, гневный, и его голос был ледяным. – Вы – разрушительница. Вы пришли из ниоткуда, принесли

с собой свои дикие обычаи, свои странные речи, свои нелепые манеры. Вы не знаете ни этикета, ни музыки, ни танцев. Вы обманули меня, притворившись гувернанткой, а теперь вы испортили Анну. Если бы не вы, она бы и не думала о побеге. Она бы слушала меня, как слушала всегда.

- Она не вещь! – крикнула я в ответ. – Она человек! Она имеет право на любовь!

Он посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью. Его карие глаза, которые еще вчера казались почти теплыми, сейчас горели холодным пламенем.

- Право на любовь? – переспросил он с презрением. – Что вы знаете о любви? Вы, которая явилась непонятно откуда, выдавая себя за ту, кем не являетесь? Вы, которая живет в моем доме, ест мой хлеб, носит мои платья и при этом позволяет себе учить мою сестру неповиновению? Вы не достойны даже называться гувернанткой. Вы – самозванка. Лгунья. И если вы еще раз позволите себе вмешиваться в воспитание Анны, я вышвырну вас на улицу, даже не дав ваш собрать вещи.

Я смотрела на него, и мне казалось, что он ударил меня. Его слова были хуже пощечин. В них была такая злоба, такая жестокость, что я чувствовала себя ничтожеством.

- Я не хотела, - прошептала я. – Я правда не хотела.

- Убирайтесь с глаз моих, - сказал он и отвернулся. – Идите к себе. Не показывайтесь мне на глаза сегодня.

Я выбежала из гостиной. Я бежала по коридору, не разбирая дороги, и слезы текли по моим щекам. Я вбежала в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось как бешеное, в ушах звенело, и я чувствовала себя так, будто меня разорвали на части.

Я опустилась на пол, обняла колени и разрыдалась. Я плакала от обиды, от унижения, от страха. Я боялась его. Впервые за все время я поняла, что князь Андрей Ростовский может быть жестоким, холодным, безжалостным. Он не просто защищает честь семьи – он готов сокрушить любого, кто встанет на него пути.

- Он ненавидит меня, - прошептала я. – Он читает меня чудовищем.

Я лежала на полу, и слезы все еще текли по щекам. Я не знала, что делать. Вернуться домой невозможно. Остаться здесь – значит терпеть его гнев, его презрение. Но уйти было некуда. У меня не было денег, ни знакомых, ни надежды.

И в этот момент я поняла, что, возможно, я ошиблась. Я думала, что он привыкает ко мне. Я думала, что в его взгляде есть что-то теплое. Но это было только мое воображение. Он был холоден. Он всегда был холоден.

Я поднялась, подошла к кровати и легла, глядя в потолок.

Я здесь – чужая. Я никогда не стану своей.

Глава 10

Я не спала всю ночь. Под утро я провалилась в беспокойный сон, но долго спать мне не дали. Разбудил стук в дверь – вежливый, но настойчивый. Я поднялась с постели, и мое отражение в маленьком зеркале заставило меня вздрогнуть. На меня смотрела опухшая, бледная девица с красными глазами, опухшими веками и синяками под глазами. Я выглядела так, будто всю ночь ела соленую рыбу и запивала ее рассолом, а потом еще и плакала в подушку. На самом деле я плакала в нее, и она была мокрой, как после дождя.

Я умылась холодной водой, надеясь, что это поможет. Не помогло. Красные глаза никуда не делись, щеки горели от слез, и я выглядела как алкаш в долгом запое.

- Сударыня, - раздался голос за дверью. – Князь приказал подать вам завтрак.

Дверь открылась. На пороге стояла служанка с подносом. Она увидела мое лицо и сделала вид, что ничего не заметила, но я видела, как она опустила глаза. Завтрак был скромным – чай, булочка, масло. Никаких изысков. Я поняла: князь больше не хочет меня видеть. Он приказал принести мне еду в

комнату, чтобы мы не встречались за обеденным столом.

«Он больше не хочет меня видеть, - подумала я. – Или просто не хочет, чтобы я портила ему аппетит своим видом».

Я села за маленький столик, взяла булочку и поняла, что не могу есть. Горло сжалось, и каждый кусок застревал в горле. Я сделала глоток чая – он был горьким, как моя жизнь. Я отодвинула тарелку и снова уставилась в окно.

Прошло, наверное, с полчаса, когда в дверь снова постучали. На пороге стояла Анна. Она была бледной, с красными глазами – видно, тоже не спала всю ночь. Увидев меня, она ахнула.

- Боже, Настасья Владимировна! – воскликнула я. – Как вы выглядите!

- Спасибо за комплимент, - попыталась пошутить я, но голос дрогнул. – Ты тоже очень красивая сегодня.

Она бросилась ко мне, обняла, и я почувствовала, как ее плечи вздрагивают от слез.

- Это я виновата, - прошептала она. – Это из-за меня брат накричал на вас. Я не должна была говорить ему о побеге.

Я не должна была бунтовать. Теперь он ненавидит вас, и это моя вина.

Я обняла ее в ответ, погладила по голове.

- Это не твоя вина, Анна. Ты имеешь право отстаивать свою любовь.

- Но он сорвался на вас! – она отстранилась, вытирая слезы. – Я слышала его голос, когда он кричал. Я никогда прежде не видела его таким злым. А теперь он приказал…

Она замолчала, отводя взгляд. Я почувствовала, что внутри что-то оборвалось.

- Приказал что? – спросила я.

- Он отправляет нас в деревню, - сказала она дрожащим голосом. – К тете Марье Петровне. За непослушание. Он сказал, что мы обе должны уехать, чтобы образумиться. Мы едем сегодня. Через час.

Я стояла и смотрела на нее. Странное чувство охватило меня. Это было одновременно и облегчение, и горечь. Я была рада уехать, потому что не хотела видеть князя. Но я была расстроена тем, что он просто вышвырнул меня, как ненуж-

ную вещь.

- Хорошо, - сказала я. – Это даже к лучшему. Я не буду мучить его своим присутствием.

- Вы не мучаете! – воскликнула она. – Вы моя единственная подруга! Но брат… он неумолим. Он сказал, что если я еще раз ослушаюсь, он запретит мне видеться с вами навсегда.

- Значит, мы должны подчиниться, - сказала я. – Хотя бы временно.

Через час наши вещи были собраны. Сундуки с платьями, коробки с книгами, мелкие безделушки. Слуги сновали по коридору, загружая их в карету. Я стояла на крыльце и смотрела на особняк, который стал мне почти родным за эти дни. Я знала каждую комнату, каждый коридор. Я знала, где пахнет розами, а где – старыми книгами.

Карета стояла у крыльца. Были запряжены две лошади, кучер сидел на облучке, рядом – слуга, который должен был сопровождать нас. Анна стояла рядом со мной, ее глаза снова были на мокром месте, но она держалась молодцом. Мы ждали. Я ждала, что князь выйдет попрощаться. Что он скажет хоть слово, хотя бы взглянет. Но дверь оставалась закры-

той. Занавески в его кабинете были плотно задернуты. Он не хотел видеть нас. Или меня.

- Он не выйдет, - сказала Анна тихо. – Я знаю его. Он будет держать обиду до последнего.

- Значит, едем, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал тверже, чем я себя чувствовала.

Мы сели в карету. Сундуки погрузили сзади, слуга занял место рядом с кучером. Я опустила шторку, чтобы не видеть его дом. Но перед глазами все равно стояли его стены, его окна, его двери.

- Трогай! – крикнул кучер.

Карета покатилась. Мы выехали за ворота, и особняк начал медленно отдаляться. Я смотрела в маленькое окошко и видела, как он уменьшается, становится меньше, пока не превратился в точку. Он не вышел. Он даже не выглянул.

- Я не хочу ехать, - прошептала Анна, и слезы снова потекли по ее щекам. – Там не увеселений, нет гостей, нет… нет князя Лебедева.

- Мы что-нибудь придумаем, - сказала я, обнимая ее.

- А если не вернемся? – спросила она. – Если он оставит нас там навсегда?

- Не оставит, - сказала я с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала. – Он не сможет без тебя. Ты – его сестра. Он любит тебя. Просто… он не умеет показывать это.

Она посмотрела на меня с надеждой, но я знала, что говорю не совсем правду. Князь мог быть жестоким. Он мог оставить нас в деревне на месяцы, на годы. Но я не могла позволить себе думать об этом.

Карета катилась по проселочной дороге. За окном мелькали поля, леса, маленькие деревушки. Солнце светило ярко, птицы пели, но мне казалось, что все вокруг серое, как мое настроение.

Карета везла нас в неизвестность. В деревню, где не было балов, не было гостей, не было злобного князя Андрея.

- Мы будем жить у тети, - сказала Анна, нарушая тишину. – Она добрая, но строгая. Она будет учить нас рукоделию, чтению, музыке. Все как положено.

- Звучит весело, - сказала я.

Я не знала, что нас ждет в деревне. Но я была готова. Готова к новым испытаниям, к новым приключениям, к новой жизни. И даже если сердце болело от обиды, я знала: я не сломаюсь.

Глава 11

Я не заметила, когда уснула. Карета мерно покачивалась, колеса стучали по грунтовой дороге, и этот ритм убаюкивал, как колыбельная. Солнце светило в окна, птицы пели, и даже мои грустные мысли постепенно рассеялись, уступив место усталости. Мы с Анной сидели напротив друг друга, и я помню, как она зевала, прикрывая рот ладонью, а потом ее голова начала клониться к плечу. Я тоже закрыла глаза – и провалилась в сон.

Проснулась я оттого, что карета остановилась. Резко, с легким скрипом, и я чуть не ударилась головой о стенку. Спросонья я ничего не поняла: где я, почему трясет, и почему пахнет сеном, а не кофе. Я моргнула и увидела перед собой улыбающееся лицо Анны.

- Мы приехали, Настасья Владимировна, - сказала она. - Просыпайтесь.

Я села ровнее, потерла глаза и выглянула в окно. За стеклом открывался вид, от которого у меня перехватило дыхание. Мы стояли посреди зеленой равнины, утопающей в цветах. Вокруг простирались поля – золотистые, с колосящейся

пшеницей, уходящие до самого горизонта. Справа виднелся лес – темный, густой, с высокими соснами, а слева – пруд, гладкий, как зеркало, в котором отражалось голубое небо. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая все в теплые медовые тона. Птицы пели так звонко, что, казалось, они приветствовали нас.

- Красиво, - выдохнула я. – Очень красиво.

- Это владения тети Марьи Петровны, - сказала Анна. – Она живет здесь уже много лет.

Я высунула голову в окно и огляделась. Я ожидала увидеть маленькую деревушку с покосившимися домами, грязными улицами и курами, бегающими по двору. Но вместо этого передо мной предстал дом, который можно было назвать усадьбой. Он был каменным, двухэтажным, с колоннами у входа и большими окнами. Конечно, он был в два раза меньше особняка князя Андрея, но выглядел солидно и ухоженно. Крыша была черепичной, стены – выбеленными, а вокруг дома раскинулся сад с цветущими яблонями и аккуратными дорожками.

- Ничего себе, - сказала я. – А я думала, мы будем жить в деревянной избе.

- Тетя Марья – вдова генерала, - объяснила Анна. – У нее есть средства. Она не бедствует.

Карета остановилась у крыльца, и дверца открылась. Я вышла первой, ступив на мягкую траву. Ноги затекли от долгого сиденья, и я с наслаждением размяла их. Анна вышла следом, и мы вместе направились к дому. Слуги уже начали выгружать наши сундуки.

На крыльце нас встречали двое: женщина лет пятидесяти, с сединой в темных волосах, собранных в строгий пучок, и мужчина того же возраста, низенький, пузатенький, с лысиной и добрыми глазами. Женщина была одета в простое, но дорогое платье темно-зеленого цвета, а мужчина – в сюртук, который был ему слегка великоват.

- Аннушка! – воскликнула женщина, распахивая объятия. – Как я рада тебя видеть! Иди же ко мне, родная!

Анна бросилась к ней, и они обнялись. Я стояла в стороне, чувствуя себя лишней. Но через минуту женщина отстранилась и посмотрела на меня с любопытством.

- А это, значит, та самая гувернантка, о которой писал Андрей? – спросила она, окидывая меня внимательным взглядом.

- Это Настасья Владимировна Зарецкая, - представила меня Анна. – Моя подруга и наставница.

Я сделала реверанс – неловко, слегка качнувшись, но стараясь выглядеть достойно.

- Очень приятно, сударыня, - сказала я, вспоминая уроки Анны. – Прошу прощения за мой вид. Дорога была долгой.

Тетя Марья улыбнулась. Улыбка у нее была теплой, несмотря на строгую внешность.

- Ничего, милая, - сказала она. – В дороге все выглядят не лучшим образом. Проходите в дом, отдохните с дороги. А это, - она указала на мужчину, - мой дорогой брат, Иван Петрович. Он у меня человек добрый и гостеприимный.

Иван Петрович шагнул вперед, взял мою руку и поцеловал (я чуть не отдернула ее от неожиданности), и улыбнулся так широко, что его пузатое брюшко колыхнулось.

- Очень рад, сударыня, - сказал он басом. – Люблю гостей. Особенно таких интересных. Андрей писал, что вы – диковинная особа.

Я покраснела. «Диковинная» - это, наверное, мягко сказано.

- Надеюсь, я не разочарую вас, - сказала я.

- О, не разочаруете, - засмеялся он. – Я чувствую, что мы подружимся.

Мы вошли в дом, и я увидела, что внутри было уютно, но без лишней помпезности. Стены были оклеены обоями, полы из темного дерева, мебель – добротная, но неброская. Пахло свежеиспеченным хлебом и травами. В гостиной стоял большой диван, кресла с вышитыми подушками, и два книжных шкафа с рядами старых книг. На стенах висели портреты предков, и я снова почувствовала себя в музее.

- У вас очень уютно, - сказала я.

- Мы стараемся, - ответила тетя Марья. – У нас не так роскошно, как у Андрея, но мы не жалуемся. Главное – чтобы гости были довольны.

Она провела нас вверх по лестнице, где нас ждали комнаты. Комната Анны была светлой, с большим окном, выходящим в сад, с кроватью под балдахином и письменным столом. Моя комната находилась по соседству – поменьше, но

такая же уютная, с видом на пруд. В углу стоял старый комод, на стене – распятие, у окна – кресло-качалка.

- Вы располагайтесь, - сказала тетя Марья. – Через час ужин.

Он вышла, а я осталась одна. Я подошла к окну, посмотрела на пруд, на деревья, на закатное небо. Это место было тихим, мирным. И хотя сердце все еще болело от вчерашних событий, я почувствовала, что здесь я могу отдохнуть. Хотя бы на время.

Через час нас позвали к ужину. Столовая была меньше, чем у князя Андрея, но накрыта со вкусом. На столе стояли суп, жаркое, овощи, пироги. Все выглядело просто, но аппетитно. Я села за стол, взяла ложку и попробовала суп. Он был вкусным, но не таким изысканным, как у князя. Я поняла, что в доме князя Андрея еда была на порядок лучше, но здесь было по-домашнему уютно. Я съела все, что поставили передо мной – и суп, и жаркое, и даже пирог с капустой – чтобы не обидеть хозяев.

- Кушайте, кушайте, - подбадривал Иван Петрович. – Вы такая худенькая. Надо поправляться.

Я улыбнулась. Дядя был добрым и заботливым, как ста-

рый пес. Тетя Марья была строже, но я видела в ее глазах доброту. Она смотрела на меня с любопытством, но не задавала лишних вопросов. Я была благодарна ей за это.

После ужина мы вышли в сад. Он был небольшим, но ухоженным: дорожки из камня, кусты сирени, скамейки в тени деревьев. Мы шли по аллее, и Анна молчала, перебирая в руках травинку.

- Настасья, - сказала она, наконец, - я должна вам кое-что рассказать.

- Я слушаю.

Она остановилась и посмотрела на меня с таким выражением, что я сразу поняла: это что-то важное.

- Я переписываюсь с князем Лебедевым, - сказала она тихо. – Мы начали писать друг другу еще до того, как он приехал. Он прислал мне письмо, а я отвечала ему тайно. Мы обменивались письмами почти два месяца.

- Анна! – я невольно ахнула. – Это же очень рискованно!

- Я знаю, - она покраснела, но в голосе появилась твердость. – Но я не могла иначе. Он – единственный, кто по-

нимает меня. Он говорит о книгах, о музыке, о том, как он мечтает путешествовать. Он не такой, как другие мужчины. Он видит во мне личность, а не просто невесту с приданым.

Я обняла ее за плечи.

- Ты права, Анна. Ты имеешь право любить. И если он тебя действительно любит, то вы найдете способ быть вместе.

Она посмотрела на меня с благодарностью.

- Я так боялась признаться, - сказала она. – Брат бы меня убил, если бы узнал. Но я хотела, чтобы вы знали.

- Ты можешь доверять мне, - сказала я. – Я сохраню твою тайну.

Мы прошли немного дальше и сели на скамейку у пруда. Вода блестела в свете уходящего солнца, и на поверхности покачивались кувшинки. Вокруг было тихо, только слышалось стрекотание сверчков и шум ветра в листве.

- А у вас есть кто-то? – спросила Анна неожиданно. – Кого вы любите?

Я задумалась. Я хотела сказать о парне из моего времени,

о том, кто был у меня в 21 веке. Мы встречались несколько месяцев, ходили в кино, целовались в подъезде, но дальше этого не зашло. Он был хорошим, но не тем, кто мог бы изменить мою жизнь. Я не думала о нем с тех пор, как оказалась здесь.

- Нет, - сказала я. – У меня нет никого.

- Правда? – удивилась она. – Но вы такая красивая, умная, интересная. Неужели никто не привлек ваше внимание?

- Я еще не встретила того, кто бы тронул мое сердце, - ответила я. – Может, я еще слишком молода.

- Вам девятнадцать, - сказала Анна. – Это не так уж мало.

- А тебе пятнадцать, - улыбнулась я. – И ты уже влюблена. Значит, возраст не главное.

Она покраснела и опустила голову. Я погладила ее по руке.

- Ты достойна счастья, Анна. Ты дождешься его. Я верю в это.

Мы сидели у пруда и смотрели, как заходит солнце. Я ду-

мала о том, что Анна, такая робкая и тихая, оказалась сильнее, чем я думала. Она боролась за свою любовь, даже если это было опасно.

- Настасья, - сказала Анна, прерывая мои мысли. – Вы никогда не рассказывали мне о том, откуда вы. Где ваш дом? Ваша семья?

Я замерла. Я не хотела врать ей, но не могла сказать правду. Она бы не поняла.

- Мой дом далеко, - сказала я тихо. – Очень далеко. И у меня нет семьи. Я одна.

- Как грустно, - прошептала она. – У вас есть я. Я буду вашей семьей.

Я обняла ее, чувствуя, как тепло разливается в груди. Она была права. Она стала моей семьей здесь. И это было важно.

- Спасибо, Анна, - сказала я. – Ты - мой самый родной человек.

Мы посидели еще немного, а потом пошли в дом. На улице уже стемнело, и в окнах зажглись свечи. Я поднялась к себе в комнату, легла на кровать и посмотрела в потолок. День

был долгим, но, кажется, я начинаю привыкать к этой жизни. К этой тихой деревне, к этой простой жизни.

Глава 12

Первые дни в деревне прошли как в замедленной съемке. Здесь все было иначе, чем в особняке князя Андрея. Здесь не было балов, не было бесконечных гостей, не было суеты. Жизнь текла тихо и размеренно, как вода в том самом пруду, у которого мы сидели с Анной.

Подъем был в семь утра – не в шесть, как в доме князя, но и не в девять, как я привыкла в своей прошлой жизни. Тетя Марья была человеком строгим, но добрым, и считала, что лениться – грех. Мы завтракали вместе с ней и дядей Иваном Петровичем. Завтраки были сытными, но простыми: каша, яйца, творог, свежий хлеб с маслом. Никаких блинчиков со сметаной и вареньем, как у князя. Я с тоской вспоминала те завтраки, но быстро привыкла.

- Кушайте, деточки, - проговаривал дядя Иван, подкладывая мне еще кусок хлеба. – Набирайтесь сил.

- Спасибо, - отвечала я, стараясь не давиться.

Он был такой заботливый, что я не могла отказать, даже когда уже не лезло.

После завтрака мы занимались с Анной – но теперь это были не уроки, а скорее общее времяпровождение. Мы читали книги, которые нашли в библиотеке дяди Ивана, учили французский по старым учебникам (я делала вид, что учу, на самом деле Анна учила меня), гуляли по саду или вышивали. Вышивание было моим личным адом. Я путалась в нитках, делала кривые стежки и то и дело колола пальцы иголкой. Анна терпеливо поправляла меня, но я чувствовала себя безнадежной.

- Настасья, вы опять перепутали цвет, - вздыхала она.

- А мне казалось, что розовый и фиолетовый – почти одно и то же, - оправдывалась я.

- Это совершенно разные цвета, - говорила она с легким ужасом.

- Ну, прости, я дальтоник.

- Кто?

- Ну… я плохо различаю цвета, - быстро поправлялась я. – Это семейное.

Она смотрела на меня с недоверием, но все равно помогала.

В полдень мы обедали. Обеды были обильными: супы, вторые блюда, компоты. Я снова ела все, чтобы не обидеть тетю Марью, хотя иногда мечтала о простом бутерброде или салате. Но здесь салаты не подавали – только горячая пища. Я уже начинала скучать по овощам.

После обеда мы отдыхали, а затем отправлялись на прогулку. Мы ходили в лес, собирали цветы, сидели у пруда. Я привыкала к тишине. К пению птиц. К запаху травы и пыли. К тому, что вокруг нет ни машин, ни суеты, ни вечных уведомлений на телефоне. Я даже начала находить в этом очарование.

- Настасья, - сказала Анна однажды, когда мы сидели на скамейке, - вы заметили, что вы стали спокойнее?

- Серьезно?

- Да. Раньше вы постоянно ерзали, оглядывались, говорили быстро. А сейчас – как будто успокоились.

Я задумалась. Она была права. Здесь, в этой глуши, я перестала ждать, что случится что-то ужасное. Я начала просто

жить.

По вечерам мы ужинали, а после ужина тетя Марья читала нам вслух жития святых или главы из Евангелия. Она была глубоко верующей женщиной, и для нее это было обязательным ритуалом. По воскресеньям мы ходили в местную церковь – небольшую, белую, с деревянным куполом, стоявшую на холме.

Церковь была моим персональным испытанием. Службы длились по два часа, и я должна была стоять, не опираясь на стены, не переминаясь с ноги на ногу, и делать вид, что я внимательно слушаю. Тетя Марья стояла рядом и бросала на меня строгие взгляды, если я начинала отвлекаться. А я отвлекалась постоянно: разглядывала иконы, считала свечи, размышляла о том, как хорошо было бы посидеть на скамейке.

- Настасья, вы не креститесь, - шептала мне тетя Марья.

- Ах, простите, - спохватывалась я и торопливо крестилась, не попадая в нужные места.

Она вздыхала, но не ругалась. Кажется, она решила, что я просто невежественная дворянка, которую плохо учили вере.

Однажды после службы она взяла меня за руку и сказала:

- Милая, вера – это не только ритуалы. Это состояние души. Ты найдешь свой путь.

Я кивнула, чувствуя себя виноватой, потому что в душе я была атеисткой, привыкшей к науке и технологиям. Но здесь, в этой тихой деревне, среди запаха ладана и старых икон, я начинала понимать, что вера – это нечто большее, чем просто традиция.

Так прошла неделя. Я адаптировалась. Я научилась вставать рано, есть кашу без сахара, вышивать (почти), креститься правой рукой и не спорить с тетей Марьей о религии. Я даже начала находить утешение в этой размеренной жизни.

И тут случилось событие, которое нарушило идиллию.

Это было утро седьмого дня. Мы завтракали, когда слуга принес письмо. Тетя Марья взяла его, посмотрела на конверт и нахмурилась.

- Анна, тебе письмо, - сказала она, протягивая его. – Откуда оно?

Анна побледнела, но взяла письмо, стараясь не показывать волнения.

- Это от моей подруги, - быстро сказала она. – Мы переписываемся.

- От подруги? – переспросила тетя. – И как зовут твою подругу?

- Елена, - соврала Анна. – Она живет в соседнем имении, мы познакомились на балу.

Тетя Марья прищурилась, но больше не стала расспрашивать. Анна убрала письмо в карман, и я заметила, что руки у нее дрожат.

После завтрака мы поднялись в комнату Анны, и она дрожащими пальцами распечатала конверт. Письмо было от князя Лебедева. Он писал, что скучает, что думает о ней каждый день, что его сердце разрывается от разлуки. Он спрашивал, как она живет, и умолял ответить.

- Настасья, - прошептала Анна, - я должна написать ему ответ. Но как я отправлю письмо? Если тетя узнает…

Я задумалась. У тети Марьи был строгий контроль, и все

письма проходили через нее. Но я была гостьей, и к моим письмам она должна отнестись с меньшим вниманием.

- Я помогу тебе, - сказала я. – Я напишу свое письмо и вложу в него твое. Отправлю от своего имени. Она не заподозрит ничего.

- Вы уверены?

- Абсолютно.

Так началась наша тайная переписка. Анна писала письма князю Лебедеву, я прятала их в свои конверты и отправляла через слугу, который относил их на почту в соседнюю деревню. Ответы приходили на мое имя, и я передавала их Анне.

Это было рискованно, но мы были осторожны. Мы делали это почти две недели, и все шло гладко. Анна светилась от счастья, когда получала его письма. Она читала их по нескольку раз, перечитывала вслух, и я видела, как в ней просыпается жизнь.

А потом пришло письмо, которое перевернуло все.

Я сидела в своей комнате и вышивала (криво, но старательно), когда Анна влетела ко мне с письмом в руках. Ее

лицо было бледным, но глаза горели.

- Настасья! – воскликнула она. – Он хочет приехать!

- Кто? – не поняла я.

- Князь Лебедев! Он пишет, что не может больше ждать. Он хочет приехать сюда, тайно, чтобы увидеть меня. Он говорит, что готов на все, лишь бы быть со мной.

Я отложила вышивку и встала. Это было безумием. Если тетя Марья узнает, что мы тайно принимаем гостя, особенно мужчину, - скандал будет страшным. Анна может потерять все, а меня выгонят.

- Ты понимаешь, на что идешь? – спросила я.

- Я понимаю, - сказала она твердо. – Но я не могу отказаться. Я люблю его. И если я не увижу его сейчас, то сойду с ума.

Я вздохнула. Она была права. Она заслуживала счастья.

- Хорошо, - сказала я. – Нам нужно спланировать все так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Мы сели за стол и начала обсуждать. Ч предложила, чтобы Лебедев приехал в соседнюю деревню под видом проезжего купца или путешественника. Он мог бы остановиться в местной гостинице, а мы бы встретились с ним в лесу или у пруда, где нас никто не увидит.

- Я могу сказать тете, что мы идем гулять в лес, - предложила Анна. – Она разрешает нам гулять, особенно когда погода хорошая.

- Но если она решит пойти с нами?

- Она никогда не ходит с нами, - сказала Анна. – У нее всегда дела.

Я кивнула. Это был шанс.

Мы продумали детали: когда он приедет, где мы встретимся, как будем передавать друг другу знаки. Анна написала ему ответное письмо, в котором назначила встречу через три дня у старого дуба на краю леса. Я отправила письмо через того же слугу.

А потом мы ждали.

Дни тянулись медленно. Анна была напряжена, как стру-

на. Я видела, как она нервничает, как постоянно смотрит в окно. Я пыталась ее отвлечь: читала вслух книги, учила ее новым французским словам (которые сама едва помнила), вышивала с ней. Но ничто не помогало.

Тетя Марья заметила странное поведение Анны.

- Что с тобой, милая? – спросила она за ужином. – Ты бледна и рассеяна. Не больна ли ты?

- Все хорошо, тетя, - ответила Анна, улыбаясь. – Просто я волнуюсь… из-за предстоящей прогулки. Мы хотим пойти в лес в ближайшее время, чтобы собрать цветы.

- Цветы? – переспросила тетя. – Ну что ж, гуляйте. Это полезно для здоровья. Только не заходите слишком глубоко.

Мы с Анной переглянулись. План работал.

День встречи настал. Погода была чудесной – солнце светило, птицы пели, легкий ветерок колыхал травы. Мы оделись попроще, чтобы не привлекать внимания, взяли корзинку для цветов и отправились в лес.

Мы шли по тропинке, и сердце Анны, кажется, стучало так громко, что было слышно за версту. Я держала ее за руку

и шептала:

- Все будет хорошо. Он придет.

Она кивала, но я видела, как она боится. Боится, что он не придет. Боится, что их заметят. Боится, что это будет последняя встреча.

Когда мы подошли к старому дубу, я огляделась. Лес был тихим, только ветер шумел в кронах. Мы стояли и ждали. Минуты тянулись вечностью.

И вдруг в чаще послышался треск веток. Мы обернулись. Из кусов вышел князь Лебедев. Он был в дорожном костюме, с усталым лицом, но при виде Анны его глаза засияли.

- Анна, - прошептал он и нагнул к ней.

Она бросилась ему навстречу. Они обнялись, и я отвернулась, чтобы не мешать. Они стояли в тени дуба, шептались, гладили друг друга по рукам. Я слышала ее смех, его голос. Я улыбнулась.

Они говорили около часа. Я стояла в стороне, собирала цветы и делала вид, что меня нет. Но я слышала их разговор – о любви, о будущем, о том, что они обязательно будут

вместе.

- Я сделаю все, чтобы быть с тобой, - говорил он. – Даже если мне придется вызвать твоего брата на дуэль.

- Не смей! – отвечала она. – Я не хочу, чтобы ты пострадал, и пострадал мой брат. Мы найдем другой путь.

Когда пришло время расставаться, они долго не могли отпустить друг друга. Анна плакала, он успокаивал ее. Потом он поцеловал ее в лоб и исчез в лесу.

Мы пошли обратно. Анна шла молча, вытирая слезы.

- Все будет хорошо, - сказала я. – Ты увидишь.

- Я верю, - ответила она. – Спасибо тебе, Настасья. Ты – моя спасительница.

Я обняла ее. И в этот момент я поняла, что сделала для нее что-то важное. Что даже в этом чужом мире я могу быть полезной. Что я не просто случайная попаданка, а подруга, на которую можно положиться.

Глава 13

Мы возвращались домой в приподнятом настроении. Анна светилась изнутри, как будто внутри нее зажгли маленькую свечу, которая никак не могла погаснуть. Она то и дело улыбалась, перебирала в руках полевые цветы, которые мы нарвали в лесу, и время от времени бросала на меня счастливые взгляды. Я тоже улыбалась – за нее. Ее счастье было заразительным, и даже мои собственные переживания отступили на второй план.

- Он обещал написать мне завтра же, - шептала Анна, пока мы шли по тропинке к дому. – Он сказал, что будет ждать моего ответа. Настасья, я так счастлива, что мне кажется, я сейчас взлечу!

- Только не взлетай, - засмеялась я. – Улетишь – где мне тебя потом искать.

Анна звонко рассмеялась.

Мы подошли к калитке, и я первая заметила, что у крыльца стоит незнакомая карета. Черная, с гербом, запряженная парой вороных лошадей. У меня екнуло сердце.

- Анна, сказала я, дергая ее за рукав. – Чья это карета?

Она посмотрела и побледнела. Ее улыбка исчезла, как будто кто-то погасил свечу.

- Это… это карета моего брата, - прошептала она. – Он приехал.

- Что?! – я чуть не выронила корзинку с цветами. – Но зачем? Он должен был приехать?

- Я не знаю, - сказала она, и голос ее дрогнул. – Может быть, он решил проведать нас? Или… или он что-то заподозрил.

Мы стояли у калитки, переглядываясь. Я видела страх в ее глазах, и он передался мне. Если князь Андрей что-то узнал о наших тайных встречах с князем Лебедевым, нам конец. Но я взяла себя в руки.

- Все в порядке, - сказала я тверже, чем чувствовала. – Мы ничего не делали. Мы просто гуляли и собирали цветы. У нас нет причин бояться.

- Но если он увидит мое лицо? – прошептала Анна. – Он сразу поймет, что я что-то скрываю.

- Ты успокойся и веди себя, как обычно, - сказала я. – Ты – леди. Ты умеешь держать лицо. Просто улыбайся, кланяйся и говори о погоде.

Она кивнула, но я видела, что ее руки дрожат. Мы вошли в дом, и я услышала голоса из гостиной. Голос тети Марьи и другой – низкий, ровный, невозмутимый. Голос князя Андрея. Я узнала его сразу, и внутри у меня все сжалось.

Мы вошли в гостиную. Князь Андрей стоял у окна, спиной к нам, но когда мы вошли, он медленно повернулся. Он был в темно-синем сюртуке, с идеальной прической, с тем же ледяным выражением лица. Он посмотрел на нас – сначала на Анну, потом на меня. Его взгляд был тяжелым и пристальным, как орла, который рассматривал добычу.

- Анна, - сказал он. – Я рад видеть тебя.

- Брат, - ответила она, делая реверанс, но я видела, что ее руки все еще дрожат. – Какой сюрприз. Мы не ожидали тебя.

- Я решил проведать вас, - сказал он, делая шаг к нам. – Навестить тетю и дядю. Узнать, как вы устроились.

Тетя Марья сидела в кресле с вязанием в руках и улыба-

лась нам.

- Дети мои, как хорошо, что вы вернулись, - сказала она. – Князь приехал еще час назад. Он ждал вас.

Я сделала реверанс, стараясь, чтобы мои движения были плавными и уверенными.

- Рада видеть вас, князь, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вы намного раньше, чем мы предполагали. Мы не ожидали вас увидеть так скоро.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнул лед.

- Я не обязан предупреждать вас о своих приездах, - сказал он сухо. – Или вы считаете, что я должен спрашивать вашего разрешения?

- Я этого не говорила, - быстро ответила я. – Я просто удивилась. Приятно удивилась.

Он приподнял бровь, но промолчал. Его взгляд скользнул по моему лицу, по моей одежде, по корзинке с цветами в моих руках. Я чувствовала себя так, будто он сканировал меня взглядом, и от этого хотелось спрятаться за спину Анны.

Мы сели в гостиной. Тетя Марья угощала нас чаем с медом, и мы обсуждали всякие мелочи: погоду, здоровье, виды на урожай. Анна сидела, как на иголках, и я видела, как она сжимает край платья, чтобы успокоиться. Князь Андрей сидел напротив нас и пил чай, не сводя с нас глаз. Казалось, он сканирует каждое наше движение.

- Настасья, - сказал он вдруг, - как вам живется в деревне? Не скучаете?

Я чуть не поперхнулась чаем.

- Нет, - ответила я, откашлявшись. – Здесь очень уютно. Тетя Марья и дядя Иван – замечательные хозяева. Мы много гуляем, читаем, учимся.

- Учитесь? – переспросил он с легкой усмешкой. – Вы и ваша ученица? Я думал, вы уже все знаете.

- Никогда не поздно учиться, - ответила я, стараясь не показывать раздражение. – Особенно если ты хочешь стать достойным человеком.

Он прищурился, но ничего не сказал. Я поняла, что он проверяет меня. Ищет слабое место, в котором я могу отступиться. Но я была готова.

Вечер прошел в напряженной атмосфере. Мы ужинали в столовой, и князь сидел во главе стола, как хозяин. Дядя Иван пытался шутить, рассказывал смешные истории, но князь почти не улыбался. Он был сосредоточен и наблюдателен. Каждое его движение было выверенным, каждое слово – точным.

После ужина мы перешли в гостиную. Тетя Марья предложила заняться рукоделием. Анна взяла пальцы и начала вышивать, я тоже попыталась, но снова перепутала нитки и сделала кривой стежок. Князь сидел в кресле, читал книгу, но я чувствовала его взгляд на себе. Он наблюдал за мной, как за подопытным кроликом.

- У вас не очень хорошо получается, - сказал он, не отрываясь от книги.

- Я учусь, - ответила я, краснея.

- Учитесь уже две недели, - заметил он. – Результаты скромные.

Я сжала иголку в руке, чтобы не ответить резко.

- Талант – дело наживное, - сказала я сквозь зубы.

Он усмехнулся – едва заметно, но я увидела.

Анна сидела бледная, как полотно, и я видела, что она едва сдерживается, чтобы не выдать себя. Ее руки дрожали, и стежки выходили неровными.

- Ты устала, Анна, - сказал князь, глядя на нее. – Может быть, тебе стоит отдохнуть?

- Нет, брат, - ответила она с натянутой улыбкой. – Я в порядке. Просто сегодня был долгий день.

- Тогда иди спать, - сказал он. – Я завтра уеду, поговорим позже.

Она кивнула, но я видела, что она едва держится.

Мы поднялись в свои комнаты около девяти вечера. Я закрыла дверь и выдохнула. Сердце билось где-то в горле. Я не знала, что делать. Если князь останется дольше, наша тайная переписка может быть раскрыта. Мы должны были предупредить Лебедева, что Андрей здесь.

Через час, когда в доме стихло, я тихонько выскользнула в коридор и постучала в комнату Анны. Она открыла сразу, будто ждала меня.

- Мы должны написать ему письмо, - прошептала она. – Сейчас же.

- Я знаю, - сказала я. – Но у меня нет бумаги и чернил в комнате.

- У меня есть, - сказала она, жестом приглашая меня войти.

Я вошла, закрыла дверь. Анна достала из ящика письменного стола бумагу, перо и чернильницу и начала писать дрожащей рукой:

«Дорогой Александр, у нас срочные новости. Мой брат приехал в деревню. Пожалуйста, не приезжайте, пока я не сообщу вам, что он уехал. Я напишу, как только будет безопасно. Твоя Анна».

Она показала мне текст.

- Отправим завтра утром, - сказала я. – Я скажу, что хочу написать письмо подруге, и служанка отнесет его на почту.

- А если брат увидит?

- Он не увидит. Он будет занят разговорами с тетей и дя-

дей.

Анна спрятала письмо в книгу, и мы замерли. Было тихо, только слышно было, как ветер шумит за окном.

- Что мы будем делать, если он узнает? – спросила она шепотом.

- Мы будем отрицать, - сказала я. – У нас нет другого выхода.

Она кивнула, но я видела страх в ее глазах. Она была храброй, но не безрассудной. И я знала, что если князь Андрей заподозрит неладное, он разрушит все.

- Я не дам ему разрушить наше счастье, - сказала Анна с внезапной твердостью. – Я буду бороться.

Я обняла ее.

- Мы будем бороться вместе. Ты не одна.

На следующее утро мы отправили письмо. Я сказала, что хочу написать подруге, и служанка забрала конверт. Я наблюдала из окна, как она уходит по дороге, и выдохнула с облегчением.

Мы думали, что князь Андрей уедет утром. Карета была подана, вещи собраны, и я уже выдохнула с облегчением, когда он стоял на крыльце и прощался с теткой Марьей и дядей Иваном. Анна стояла рядом со мной, пряча улыбку – еще немного, и мы снова останемся вдвоем, и она сможет видеться с любимым без помех.

- Я задержусь, - сказал князь Андрей, и эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. – Дела в городе могут подождать. Я погощу здесь еще немного.

Тетя Марья просияла.

- Как замечательно, Андрюша! Мы так редко видим тебя. Оставайся столько, сколько пожелаешь.

Анна побледнела. Я почувствовала, как она сжала мою руку. Ее ногти впились мне в ладонь, но я не поморщилась. Я знала, что сейчас она чувствует.

- Брат, - сказала она с натянутой улыбкой, - но разве у тебя нет дел в Петербурге?

- Дела подождут, - ответил он, и его взгляд скользнул по ее лицу. – Ты не рада мне?

- Конечно, рада, - быстро сказала она. – Просто… я удивилась.

Мы вернулись в дом. Я слышала, как Анна дышит – часто, нервно. Она была в панике. Князь Лебедев должен был приехать завтра. Мы не могли отменить встречу – у нас не было связи с ним, и он будет ждать у старого дуба.

Эх, вот бы сюда мобильную связь. Но до нее еще очень далеко.

Вечером, когда все разошлись по комнатам, Анна влетела ко мне, бледная, с расширенными глазами.

- Что мы будем делать? – прошептала она. – Завтра он приедет, а брат здесь! Он все узнает! Он убьет нас обеих!

- Успокойся, - сказала я, хотя внутри у меня самой все дрожало. – Мы что-нибудь придумаем.

- Что мы можем придумать? – она заметалась по комнате. – Если я не приду, он решит, что я к нему охладела. А если приду – брат заметит мое отсутствие.

Я села на кровать и задумалась.

- Мы снова пойдем в лес за цветами, - сказала я.

Она посмотрела на меня с благодарностью и ужасом одновременно.

- Надеюсь, он ни о чем не заподозрит, - еле слышно прошептала княгиня.

Глава 14

На следующее утро за завтраком князь Андрей был спокоен и вежлив. Он расспрашивал нас о наших занятиях, о книгах, которые мы читали, о наших прогулках. Я старалась отвечать ровно, но внутри меня все кипело.

- Сегодня мы с Анной хотели пойти в лес собирать цветы, - сказала я, стараясь говорить небрежно.

- Отличная идея, - сказал князь Андрей. – Я тоже хочу прогуляться. Я пойду с вами.

У меня похолодело внутри.

- Но… вы же не любите ходить по лесу, - выдавила я.

- Я люблю природу, - ответил он с легкой усмешкой. – И мне интересно, чем вы занимаетесь целыми днями.

Я посмотрела на Анну. Она была бела как мел. Все рушилось.

И вдруг слуга принес письмо. Оно было адресовано князю

Андрею. Он распечатал его, прочитал и нахмурился.

- Анна, - сказал он, поднимая взгляд, - мы едем в соседнее поместье. Сегодня утром. Меня пригласили на встречу с одним очень важным человеком. Ты поедешь со мной.

- Что? – выдохнула Анна. – Но я… я хотела пойти в лес.

- Лес никуда не убежит, - сказал он сухо. – Собирайся. Мы выезжаем через час.

Я видела панику в ее глазах. Она смотрела на меня, и я знала, что она просит о помощи.

После завтрака, когда мы с Анной остались наедине, я сказала:

- Я пойду в лес.

Она замерла и уставилась на меня, как на сумасшедшую.

- Ты? Но зачем?

- Я скажу ему, что ты не можешь прийти. Что твой брат здесь и что мы должны отложить встречи до его отъезда.

- А если он не согласится?

- Согласится, - сказала я. – У него нет выбора. Во всяком случае, мы должны его предупредить.

Она смотрела на меня с благодарностью и ужасом одновременно.

- Настасья, я не могу просить тебя об этом.

- Ты не просишь. Я предлагаю сама.

Глаза ее расширились, но она кивнула.

- Хорошо, Настасья, - сказала она, и в ее голосе все же была благодарность.

Через час карета уехала, увозя Анну и князя Андрея. Я стояла на крыльце и смотрела, как она исчезает за поворотом. Сердце колотилось. Я знала, что делаю. Это было безумно, опасно, но у нас не было выбора.

Я взяла корзинку и отправилась в лес. Солнце светило ярко, но мне казалось, что вокруг сгущаются тени. Я шла по знакомой тропинке, сжимая в руках корзинку, и думала о том, что скажу князю Лебедеву.

Он уже ждал у дуба. Когда я вышла из кустов, он улыбнулся, но, увидев, что я одна, его лицо стало настороженным.

- Где Анна? – спросил он.

- Она не может прийти, - сказала я, стараясь говорить спокойно. – Ее брат приехал и увез ее в соседнее поместье. Она просила передать вам, что встречи пока не будет. Вы должны подождать.

Князь Лебедев смотрел на меня, и его глаза сузились. Он молчал, и я чувствовала себя неуютно под его взглядом.

- Брат, значит, - сказал он медленно. – И что же, она не сказала ему обо мне?

- Она не могла. Он бы не понял.

Он усмехнулся, и в его усмешке было что-то новое, что-то, что мне не понравилось.

- А ты, Настасья, - сказал он, делая шаг ко мне, - очень смелая. Ты пришла одна, чтобы предупредить меня.

- Я обещала ей помочь, - сказала я, отступая на шаг.

Он двинулся ко мне снова, и я поняла, что он не собирается уходить.

- Ты красивая, Настасья, - сказал он, и его голос стал ниже. – Я думал об этом, когда мы танцевали. Ты – такая странная, такая дикая. Ты нравишься мне.

- Что вы говорите? – спросила я, чувствуя, как страх начинает сковывать тело.

- Я говорю, что ты мне интересна, - сказал он, и его рука легла на мое плечо. – Анна – хорошая партия. Богатая невеста, достойная жена. Но ты… ты та, которая может стать моей любовницей.

Я отшатнулась.

- Вы безумны! – выкрикнула я. – Я пришла предупредить вас, а вы делаете мне такие предложения?

- Я делаю тебе предложение, от которого ты не должна отказываться, - сказал он, сжимая мое плечо. – Ты бедна, у тебя нет ни титула, ни состояния. Я могу дать тебе все. Только будь со мной.

- Нет! – я попыталась вырваться, но он схватил меня за руку.

- Не сопротивляйся, - прошептал он. – Ты же хочешь этого. Я вижу в твоих глазах.

Я закричала. Он зажал мне рот рукой и повалил на землю. Я билась, царапалась, пыталась вырваться, но он был сильнее. Я чувствовала, как его руки рвут мое платье, как он пытается удержать меня.

- Помогите! – крикнула я, но лес поглотил мой крик.

Я ударила его ногой, попала в живот, и он ослабил хватку. Я вырвалась, вскочила и побежала. Я бежала так быстро, как только могла, разрывая платье о ветки, спотыкаясь о корни. Я слышала за спиной его голос, но не оборачивалась.

Я выбежала из леса и, не останавливаясь, добежала до дома. Влетела в дверь, и тетя Марья, стоявшая в прихожей, ахнула.

- Боже мой, Настасья! Что с тобой?! – воскликнула она.

Я стояла перед ней, тяжело дыша. Платье было разорвано, волосы растрепаны, на шее царапина – ветка оцарапала, или

он, я не знала.

- Я… я упала с дерева, - сказала я, задыхаясь. – Я полезла за яблоками и упала. Ничего страшного, тетя. Просто ушиблась.

Она смотрела на меня с недоверием, но не стала расспрашивать.

- Иди в свою комнату, - сказала она. – Я пришлю горничную с водой и бинтами.

Я поднялась к себе, закрыла дверь и сползла по ней на пол. Я плакала. Долго, безутешно, сотрясаясь от рыданий. Я ненавидела его. Я ненавидела себя за то, что пошла к нему. Я ненавидела этот мир, где женщина не могла даже предупредить друга без того, чтобы на нее не набросились.

Я пыталась успокоиться, но перед глазами стояло лицо Лебедева – его хищная улыбка, его руки, которые рвали мое платье. Я содрогнулась и заставила себя встать.

В дверь постучали. Я вздрогнула, но взяла себя в руки.

- Войдите, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Вошла горничная с тазом воды, кувшином и чистым платьем.

- Тетя Марья велела принести вам воду и одежду, - сказала она, не поднимая глаз. – Прикажете помочь?

- Да, - ответила я. – И, пожалуйста, принесите зеркало. Я хочу привести себя в порядок.

Горничная помогла мне переодеться. Платье было простым, светло-голубым, с длинными рукавами – он скрывало синяки, которые уже начали проступать на моих руках. Я умылась холодной водой, смывая слезы и грязь. Горничная аккуратно собрала мои волосы в прическу, заколов их шпильками. Я посмотрела в зеркало: мое лицо было бледным, веки – припухшими, но я выглядела почти как обычно. Только глаза выдавали меня – они все еще были красными, как будто я плакала несколько часов подряд.

- Спасибо, - поблагодарила я горничную. – Можетеидти.

Она поклонилась и вышла. Я осталась одна. Подошла к окну, посмотрела на лес, на дорогу, по которой должна была вернуться карета. Скоро вечер. Скоро они вернутся. Что я скажу князю? Что я скажу Анне?

Я заставила себя дышать. Я должна быть сильной. Я пере-

жила это. Я выжила. И я не позволю этому человеку разрушить мою жизнь.

Через час я услышала стук колес. Карета въехала во двор. Я стояла у окна и видела, как Анна выходит первой – она выглядела уставшей и взволнованной. Князь Андрей вышел следом, его лицо было сосредоточенным. Я отошла от окна, стараясь успокоиться.

Через несколько минут раздался стук в мою дверь. Я открыла. На пороге стоял князь Андрей. Он был в дорожном сюртуке, с легкой усталостью в глазах, но его взгляд сразу упал на мое лицо, на мои красные глаза.

- Я слышал, вы упали с дерева, - сказал он сухо, но я заметила, что его голос стал тише, чем обычно. – Выглядите вы неважно.

- Все в порядке, князь, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал легко. – Просто ушиблась. Все уже прошло.

Он прищурился и сделал шаг в комнату, оказавшись совсем близко. Я инстинктивно отшатнулась, и он заметил это. Его взгляд скользнул по моей шее, где виднелась ссадина, по моим запястьям, которые я старалась спрятать под длинными рукавами. Он не был дураком.

- Покажите руки, - сказал он.

- Что?

- Покажите руки, Настасья. Я хочу видеть ваши запястья.

Я заколебалась, но он ждал, и в его голосе была сталь. Я медленно подняла руки, и рукава сползли, открывая синяки, оставленные пальцами Лебедева.

Князь Андрей побледнел. Он схватил меня за руку (я вздрогнула), внимательно рассмотрел синяки.

- Это не от падения с дерева, - сказал он глухо. – Кто это сделал?

Я молчала. Я не могла сказать ему правду. Не сейчас. Он убьет Лебедева, и это будет скандал, который погубит и Анну, и его.

- Я… я правда упала, - прошептала я, отводя глаза.

- Вы лжете, - сказал он жестко. – Я вижу, когда мне лгут. Кто вас тронул?

Я подняла на него глаза. В них стояли слезы, и я не могла их держать.

- Я не могу сказать, - прошептала я. – Прошу вас, оставьте это.

Он смотрел на меня долгую, тяжелую секунду. Его лицо было мрачным, как грозовое небо. Я чувствовала его гнев, но он не был направлен на меня. Он был направлен на того, кто это сделал.

- Я узнаю правду, - сказал он и вышел.

Я стояла одна, чувствуя, как дрожат колени. Я не знала, что он собирается делать, но я знала, что это только начало.

Через полчаса в мою дверь постучала Анна. Она вошла, бледная и встревоженная.

- Настасья, я слышала, что вы упали. Что случилось? Почему брат ходит мрачный, как туча?

Я села на кровать и жестом пригласила ее сесть рядом.

- Анна, я должна тебе сказать правду, - начала я. – Я не упала с дерева.

Она побледнела.

- Что случилось?

Я глубоко вздохнула и рассказала все. О том, как я пошла к дубу, как Лебедев сделал мне непристойное предложение, как я отказалась, как он набросился на меня и пытался изнасиловать.

- Я вырвалась, - закончила я. – Я убежала. Но он… он хотел меня… Она сказал, что ты станешь его женой, а я буду его любовницей.

Анна смотрела на меня, и в ее глазах я видела боль, но не веру.

- Нет, - прошептала она. – Этого не может быть. Он не такой. Он джентльмен. Он любит меня. Он не мог сделать это с тобой.

- Анна, я говорю правду, - сказала я, беря ее за руки. – Посмотри на меня. Посмотри на мои синяки. Это он сделал.

- Ты лжешь! – воскликнула она, вскакивая. – Ты просто завидуешь! Ты не хочешь, чтобы я была с ним! Ты хочешь

разрушить нашу любовь!

- Нет! – сказала я, вставая. – Я хочу защитить тебя! Он не тот, за кого себя выдает!

- Ты не знаешь его! – крикнула она, и слезы потекли по ее щекам. – Он был нежен со мной, он обещал мне будущее. А ты… ты просто злая, ты хочешь отобрать у меня счастье!

Я смотрела на нее и понимала, что она не поверит мне. Ее любовь была слишком сильной, ее вера в него – слишком слепой.

- Хорошо, - сказала я тихо. – Я докажу тебе, что ты ошибаешься.

Она остановилась и посмотрела на меня с подозрением.

- Как?

Я села за стол и взяла перо.

- Я напишу ему письмо, - сказала я. - Я напишу, что согласна стать его любовницей. Что я хочу встретиться с ним у старого дуба завтра вечером. Ты спрячешься рядом и увидишь все своими глазами. Тогда ты узнаешь правду.

Она смотрела на меня с ужасом.

- Ты хочешь устроить ему ловушку?

- Да, - сказала я. – Если он действительно благороден, он откажется. Он скажет, что любит только тебя. Но если он согласится… ты увидишь, кто он на самом деле.

Анна заколебалась. Я видела, как в ней борется любовь и сомнение.

- Я не хочу в это верить, - прошептала она.

- Я знаю, - ответила я. – Поэтому ты должна увидеть все сама.

Она долго молчала. Потом кивнула.

- Хорошо. Я согласна. Но когда он откажется, ты клянешься, что больше не будешь его оговаривать.

- Клянусь, - сказала я.

Я написала письмо. Короткое и холодное:

«Князь Александр. Я обдумала ваше предложение. Я согласна стать вашей любовницей. Приходите завтра вечером к старому дубу, как договаривались. Я буду ждать. Только не говорите никому. Настасья».

Я сложила письмо, запечатала его и отдала Анне.

- Отправь это своей горничной, - сказала я. – пусть передаст ему завтра утром. А вечером мы будем ждать у дуба.

Она взяла письмо дрожащими руками.

- Если он придет? - сказала она.

- Если он придет, - ответила я, - ты будешь мне благодарна.

Она вышла, оставив меня одну. Я села на кровать и закрыла глаза. Я не знала, что случится завтра. Но я знала, что должна сделать это. Ради Анны. Ради справедливости. И ради того, чтобы этот мерзавец заплатил за то, что сделал со мной. Я смотрела в окно на лес, где завтра должна была произойти встреча. И думала о том, как буду смотреть на Лебедева, когда он придет. И, возможно, увидит не меня, а Анну, которая, наконец, узнает правду.

Я легла на кровать, глядя в потолок. Завтрашний день все

изменит. Я знала это. И я была готова.

Глава 15

Утро началось с того, что я проснулась раньше обычного. Солнце только начало подниматься, и в комнате было серо и холодно. Я лежала в кровати, глядя в потолок, и думала о том, что сегодня вечером все решится. Анна увидит правду. Лебедев получит по заслугам. И я смогу, наконец, вздохнуть свободно.

Я умылась холодной водой, оделась в простое платье и спустилась вниз. Горничная, как мы и договорились, уже отправила письмо Лебедеву ранним утром. Теперь оставалось только ждать вечера. Я старалась держаться спокойно, хотя внутри все дрожало.

Завтрак уже начался. Тетя Марья, дядя Иван, Анна и князь Андрей сидели за столом. Когда я вошла, все подняли головы. Тетя улыбнулась, дядя приветливо кивнул, Анна посмотрела на меня с тревогой. А вот князь Андрей… его взгляд был холоднее, чем когда-либо. Он смотрел на меня так, будто я была насекомым, которое случайно заползло на его тарелку.

- Доброе утро, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал

ровно, и села на свое место.

Князь Андрей не ответил. Он продолжал смотреть на меня с ледяным презрением, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

- Настасья, - сказал он внезапно, и его голос был резким, как удар хлыста. – Вы сегодня особенно бледны. Не спалось? Или вас мучает совесть?

Я замерла. Совесть? О чем он?

- Простите, князь, я не понимаю…

- Не понимаете? – усмехнулся он, и в этой усмешке было столько яда, что я невольно отшатнулась. – Вы всегда говорите, что не понимаете. Это ваше любимое оправдание. Но на самом деле вы отлично все знаете. Вы прекрасно знаете, что ведете себя недостойно, что вы…

Он осекся, сжал челюсть, и я увидела, как на его скулах заходили желваки.

- Андрей! – вмешалась тетя Марья. – Что с тобой? Что ты говоришь? Настасья – гостья в нашем доме!

- Гостья, которая злоупотребляет моим доверием, - отрезал он. – Которая врет мне в глаза. Которая… - он снова замолчал, как будто слова были слишком горькими, чтобы их произносить.

Я сидела, чувствуя, как краска заливает мои щеки. Что я сделала? Почему он так зол на меня? Я ничего не делала со вчерашнего дня, кроме того, что писала письмо Лебедеву. Но он не мог знать об этом… или мог?

- Князь, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, - если я чем-то вас обидела, то я приношу свои извинения. Я не знаю, что я сделала, но я готова исправиться.

Он посмотрел на меня с такой ненавистью, что я физически почувствовала, как он ударил меня.

- Исправиться? – переспросил он с горькой усмешкой. – Вы не можете исправиться. Вы – испорченная натура. Я жалею, что когда-то взял вас в свой дом. Я жалею, что поверил вам. Если бы я мог, я бы вышвырнул вас сейчас же, не дожидаясь вечера.

Он встал из-за стола, бросил на меня последний ледяной взгляд и вышел. За столом повисла мертвая тишина. Анна смотрела на меня с ужасом, тетя Марья – с недоумением, дя-

дя Иван – с растерянностью. Я чувствовала, как слезы подступают к глазам, но я сдержала их. Я не позволю ему увидеть мою слабость.

- Настасья, милая, - сказала тетя Марья, - что между вами произошло? Я никогда не видела Андрея таким злым.

- Я не знаю, тетя, - ответила я, стараясь улыбнуться. – Наверное, я что-то сказала или сделала не так. Я не помню. Но я постараюсь исправиться.

Я не могла сказать им правду. Я сама не знала, что случилось. Единственное, что я знала – что сегодня вечером я должна быть в лесу. Я должна открыть Анне глаза на Лебедева. А потом… потом я уйду. Уйду подальше от этого дома, от этого человека, который смотрит на меня с такой ненавистью.

Завтрак прошел в напряженном молчании. Я почти ничего не ела. Анна то и дело бросала на меня тревожные взгляды, но я делала вид, что все в порядке. Когда все разошлись, я поднялась к себе в комнату, закрыла дверь и упала на кровать. Слезы хлынули из глаз.

Я плакала в подушку, стараясь не издавать звуков. Слова князя Андрея резали глубже, чем синяки Лебедева. «Испор-

ченная натура», «лгунья», «жалею, что взял в свой дом». Как он мог так говорить? Я ничего ему не сделала. Я пыталась помочь Анне, защитить ее. Я не заслужила такой ненависти.

Через час в дверь постучали. Вошла Анна. Она была бледна, ее глаза были красными.

- Настасья, - сказала она, садясь рядом, - я не знаю, что случилось с братом. Но я знаю, что мы должны идти сегодня вечером. Я должна увидеть правду.

- Я тоже, - сказала я, вытирая слезы. – Я сделаю это ради тебя.

- Но что будет после?

Я задумалась. После… после я уйду. Я не могла оставаться в этом доме, зная, что князь Андрей ненавидит меня.

- После я уйду, - сказала я тихо. – Я не могу больше оставаться здесь. Он меня ненавидит, и я не знаю почему. Я не могу жить в доме, где меня считают чудовищем.

- Настасья, ты не можешь уйти! – воскликнула Анна. - Ты – моя единственная подруга!

- Я должна, - ответила я. – Но сначала я должна помочь тебе. Сегодня вечером ты увидишь, кто такой твой князь Лебедев.

День тянулся бесконечно. Я почти не выходила из комнаты. Я слышала, как внизу разговаривают, как тетя Марья хлопочет по дому, как дядя Иван читает газету. Я слышала голос князя Андрея – он был ровным и спокойным, как будто утром он не кричал на меня. Я не понимала его. Он был загадкой, которую я не могла разгадать.

К вечеру мы с Анной собрались. Я надела темное платье, чтобы слиться с сумерками, взяла корзинку для цветов. Мы спустились вниз. Тетя Марья сидела в гостиной с вязанием, дядя Иван дремал в кресле. Князя Андрея нигде не было видно.

- Мы идем в лес, - сказала я тете. – Собирать цветы.

- Хорошо, милые, - ответила она. – Только не заходите слишком далеко. Скоро стемнеет.

Мы повернулись к выходу. И вдруг раздался голос князя Андрея. Он стоял на лестнице, глядя на нас сверху вниз. Его лицо было холодным и непроницаемым.

- Вы идете в лес? – спросил он.

- Да, - ответила Анна. – Мы хотим собрать цветы.

Он помолчал, и я чувствовала, как его взгляд пронзает маня.

- Идите, - сказал он неожиданно.

Я опешила. Он ничего не сказал? Он должен был запретить нам идти. Но он не сказал этого.

- Спасибо, брат, - сказала Анна, и я заметила в ее голосе облегчение.

Мы вышли из дома. Я не оборачивалась, но я чувствовала, что он все еще стоит на лестнице и смотрит на нас. Что-то было в этом взгляде. Что-то, что я не могла понять. Может быть, он знал, что мы задумали. Может быть, он проверял нас. Но я не хотела об этом думать.

Глава 16

Мы пришли в лес за час до назначенного времени. Солнце уже клонилось к закату, и деревья отбрасывали длинные тени. Воздух был пропитан запахом травы и цветов, но я не чувствовала никакой красоты – только напряжение, которое скручивало внутренности в тугой узел.

- Ты уверена, что он придет? – прошептала Анна, когда мы остановились у старого дуба.

- Он придет, - ответила я. – Такие, как он, не упускают возможности. Он думает, что я согласилась стать его любовницей. Он будет здесь.

Анна кивнула, но я видела, что ее руки дрожат. Она была напугана, но решительна. Я сжала ее ладонь.

- Спрячься за теми кустами, - сказала я, указывая на густой орешник в десяти шагах от дуба. – Оттуда все будет слышно. Я сяду на пень и буду ждать.

- А если он заметит меня?

- Не заметит. Ты будешь сидеть тихо. Главное – не выдавай себя до тех пор, пока он не скажет что-то важное.

Она спряталась. Я села на пень, положила корзинку для цветов рядом и приняла расслабленную позу, хотя сердце колотилось как бешеное. Я ждала. Лес был тих, только птицы перекликались где-то в ветвях, и ветер колыхал траву.

Я ждала. Минуты тянулись вечностью. Я уже начала думать, что Лебедев не придет, что он что-то заподозрил, что наш план провалился.

Но вдруг я услышала шаги. Кто-то шел по тропинке – уверенно, не таясь. Я подняла глаза. Из кустов вышел князь Лебедев. Он был в охотничьем костюме, с легкой улыбкой на губах, и смотрел на меня как на добычу.

- Настасья, - сказал он, подходя ближе. – Ты пришла. Я знал, что ты не обманешь меня.

- Я человек слова, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и даже кокетливо. – Я обещала прийти – я пришла.

Он остановился в двух шагах от меня, окинул взглядом мое платье, мои волосы, мои руки. Я чувствовала себя насекомым под стеклом.

- Ты прекрасна, - сказал он. – Я знал это с первой встречи. Такая дикая, такая странная… не как все эти чопорные барышни.

Я заставила себя улыбнуться.

- Вы тоже мне показались… интересным.

- Правда? – он шагнул еще ближе, и я почувствовала запах его одеколона. – Тогда почему ты сбежала в прошлый раз?

Я сделала вид, что смущена.

- Я испугалась. Я не привыкла к таким… смелым предложениям. Но потом я подумала – почему бы и нет? Жизнь коротка, а вы – князь. У вас есть положение, деньги. А я – всего лишь бедная гувернантка.

Он довольно усмехнулся.

- Ты умная девочка. Даже слишком умная для своего положения. Я ценю это. Я предлагаю тебе то, что могут предложить немногие. Ты будешь жить в роскоши, носить дорогие платья, есть изысканные блюда. Все, что я попрошу взамен – это твоя верность. И немного… удовольствия, конечно.

- А как же Анна? – спросила я, притворяясь невинной. – Вы ведь собираетесь на ней жениться?

Он рассмеялся – громко, откровенно, с ноткой презрения.

- Анна? Она – хорошая партия, не спорю. Богатая невеста с отличным приданым. Но она скучна до зевоты. Вечно читает книги, краснеет, когда я говорю с ней о чем-то более пикантном. К тому же, - он понизил голос, - она так легко поддается манипуляциям. Ей нужно только сказать, что она красивая, и она сразу тает. На ней я женюсь ради денег. А ты – для настоящего удовольствия.

Он произнес это так легко, так буднично, что я почувствовала, как внутри закипает ярость. Но я сдержала себя.

- Значит, - сказала я, - вы собираетесь обмануть ее? Использовать ее состояние, а потом предать?

- Предать? – он усмехнулся. – Скорее осчастливить. Она будет жить в моем доме, носить мое имя. У нее будет все, что нужно женщине. Но любви… - он пожал плечами, - любовь я оставлю для тех, кто умеет ее ценить. Для таких, как ты, Настасья.

Я почувствовала, как слезы гнева подступают к глазам, но

я не позволила им пролиться.

- Вы чудовище, - сказала я тихо.

Он прищурился.

- Что ты сказала?

- Я сказала, что ты чертов урод! – крикнула я.

В этот момент из кустов вышла Анна. Бледная, с расширенными глазами, но в них не было слез. Только боль и сталь.

- Александр, - сказала она, и ее голос дрожал, но был тверд, - я слышала все. Ты хотел жениться на мне только из-за денег. Ты хотел использовать меня. Ты никогда меня не любил.

Лебедев замер. Его лицо на мгновение потеряло свое самодовольное выражение, а потом он улыбнулся – натянуто, фальшиво.

- Анна, милая, ты все неправильно поняла, - сказал он, делая шаг к ней. – Это она меня соблазняет! – он показал на меня пальцем. – Она написала мне письмо! Она сама предложила стать моей любовницей! Я хотел отказаться, я при-

шел, чтобы сказать ей «нет»!

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Он перекладывал вину на меня.

- Ты лжешь! – крикнула Анна. – Я слышала твои слова! Ты сказал, что я – просто выгодная партия, а она – для удовольствия! Я все слышала!

Лебедев приблизился к ней, протягивая руки.

- Анна, прости меня, я не хотел тебя обидеть. Я просто запутался. Эта женщина – она приворожила меня! Но я не люблю ее, я люблю тебя! Поверь мне!

- Не подходи ко мне! – закричала Анна, отступая.

Но он не останавливался. Он шел к ней, и его лицо уже не было фальшиво-ласковым – оно стало злым, опасным.

Я не думала. Я просто вскочила с пня и встала между ними.

- Не приближайся к ней, - сказала я, глядя ему в глаза.

- Уйди с дороги, дрянь, - прошипел он.

- Нет.

Он размахнулся и ударил меня. Сильно – по скуле. Я отлетела в сторону, упала на траву, и на мгновение мир потемнел. Боль взорвалась в голове, я почувствовала вкус крови во рту.

Анна завизжала – пронзительно, испуганно.

Я лежала на земле, и все плыло перед глазами. Боль была сильной, но ярость была сильнее. Я не могла позволить ему причинить вред Анне. Я поднялась, шатаясь, и бросилась на него.

Он не ожидал этого. Он смотрел на Анну и не видел меня. Я ударила его со всей силы – между ног. Он взвыл, согнулся пополам, и я почувствовала, как его тело содрогнулось от боли. Но я не остановилась.

Я размахнулась локтем и ударила его по затылку. Так, как учил меня когда-то брат на тренировках по самообороне.

Лебедев рухнул на землю, как мешок с картошкой. Его глаза закатились, и он потерял сознание.

Я стояла над ним, тяжело дыша. В ушах звенело, скула болела. Но я выиграла. Я защитила Анну.

- Настасья! – анна бросилась ко мне. – Ты ранена! У тебя кровь!

- Ничего страшного, - сказала я, вытирая губы рукавом. – Он получил по заслугам.

Мы стояли над бесчувственным телом Лебедева, и вдруг я почувствовала, что мы не одни. Я подняла голову и увидела, что из-за деревьев выходят люди.

Князь Андрей. И двое стражников.

Он подошел к нам медленно, его лицо было непроницаемым, как каменная маска. Он посмотрел на бесчувственного Лебедева, потом на меня – на мою разбитую губу, на кровь на платье.

- Мы видели все, - сказал он холодно.

Я смотрела на него, и в груди разливалась боль – не от удара, а от его взгляда. В нем не было сочувствия. Только холодное удовлетворение.

- Он слышал все, - прошептала Анна. – Брат слышал все, что Лебедев говорил о нас.

Князь махнул рукой, и стражники схватили Лебедева за руки, заковали их в цепи и потащили прочь. Я смотрела, как они уводят его, и чувствовала, как напряжение отпускает меня.

- Анна, - сказал князь, поворачиваясь к сестре, - объясни мне, что здесь произошло?

Она начала рассказывать. Сбивчиво, слезно, но подробно. Как она переписывалась с Лебедевым. Как он обещал ей любовь. Как я помогла им тайно встречаться. Как она не верила мне, пока не услышала все своими ушами. И как я пришла на встречу, чтобы разоблачит его.

Андрей слушал молча. Его лицо было мрачным, но я не могла прочитать его мысли. Я стояла в стороне, прижимая руку к ушибленной скуле, и старалась не смотреть на него. Обида все еще была во мне. Его утренние слова все еще звучали в моей голове. «Испорченная натура», «лгунья», «жалею, что взял в свой дом». И он даже не извинился. Он стоял теперь передо мной, и в его глазах не было раскаяния.

- Настасья, - сказал он, когда Анна закончила свой рас-

сказ. – Вы рисковали своей жизнью ради моей сестры. Я… я не ожидал.

Я посмотрела ему в глаза.

- Вы не ожидали, что я могу быть полезной? – спросила я с горечью.

Он молчал. Я ждала. Ждала, что он скажет: «Прости меня за утренние слова». Но он промолчал.

- Мы идем домой, - сказал он и развернулся к выходу из леса.

Мы шли молча. Анна сжимала мою руку, я чувствовала ее дрожь. Князь шел впереди, и я видела его спину. Он был высоким, уверенным, но я больше не восхищалась им. Я чувствовала только боль.

Дома нас встретила перепуганная тетя Марья. Она обработала мою рану, приложила холодный компресс к скуле, охала и ахала.

- Боже мой, девочка, как ты себя чувствуешь? – спрашивала она.

- Я в порядке, тетя, - сказала я. – все уже прошло.

Но я лгала. Внутри все болело. И не от синяков. От слов. От того, что он не просил прощения.

Мы сидели в гостиной. Анна пила чай с медом, я смотрела в одну точку. Князь Андрей стоял у окна и молчал.

Я смотрела на него и думала о том, что, возможно, я никогда не узнаю, что у него в голове. И, возможно, я никогда не прощу его. Но я знала одно: сегодня я сделала то, что должна была. Я спасла Анну. И это было важнее любых слов.

Я встала.

- Я пойду в свою комнату, - сказала я. – Мне нужно отдохнуть.

- Настасья, - сказал князь, когда я проходила мимо него.

Я остановилась, но не обернулась.

- Я… - начал он, но замолчал.

- Что, князь? – спросила я.

Он молчал. Я ждала. Но он не произнес ни слова.

- Доброй ночи, - сказала я и вышла.

Я поднялась к себе, закрыла дверь и села на кровать. Слезы подступали к глазам, но я не хотела плакать. Я хотела забыть его утренние слова. Я хотела забыть его взгляд.

И, глядя на огонек свечи, я решила, что завтра уеду. Я не могу здесь оставаться. Я не могу видеть его каждый день и знать, что он считает меня недостойной. Даже если я спасла его сестру.

Я легла, закрыла глаза и прошептала:

- Я справлюсь. Я всегда справляюсь.

Потому что я – Настя Зарецкая из 21 века. И меня не сломить.

Глава 17

Я сидела на кровати, глядя на огонек свечи, и чувствовала, как внутри все застыло. Скула болела, губа распухла.

В дверь постучали. Я не ответила, но дверь открылась.

- Настасья? – голос Анны был тихим и виноватым. – Ты не спишь?

Я кивнула, не в силах говорить. Анна вошла, закрыла за собой дверь и села рядом со мной на кровать.

Она взяла мою руку, и я почувствовала, что ее пальцы дрожат.

- Настасья, я должна тебе кое-что сказать, - начала она, и в ее голосе слышались слезы. – Я прошу у тебя прощения. За то, что не поверила тебя. За то, что защищала Лебедева, когда ты пыталась открыть мне глаза. Я была слепа. Я была глупа. И я чуть не разрушила свою жизнь из-за этого мерзавца.

Я посмотрела на нее. Ее глаза были красными, щеки мок-

рыми. Я видела, как ей тяжело говорить эти слова.

- Ты не виновата, Анна, - сказала я тихо. – Ты любила его. Ты верила в него. Это нормально – хотеть верить в хорошее.

- Но я должна была поверить тебе! – воскликнула она. – Ты была моей подругой, а я усомнилась в тебе!

Я обняла ее. Она разрыдалась у меня на плече, и я гладила ее по голове, чувствуя, как ее тело сотрясается от рыданий.

- Все уже позади, - сказала я. – Ты увидела правду. Ты спасена. Это главное.

- Нет, это не все, - сказала она, отстраняясь и вытирая слезы. – Я должна тебе кое-что еще рассказать. О брате.

Я насторожилась.

- Что?

- Он прочитал твое письмо, - сказала Анна, и я почувствовала, как сердце ухнуло вниз. – То письмо, которое ты написала Лебедеву. Он нашел ее у служанки, которая должна была его отправить. И он… он не так все понял.

Я смотрела на нее, и внутри все оборвалось.

- Он решил, что ты в самом деле согласилась стать любовницей Лебедева, - продолжила Анна. – Поэтому он был так зол на тебя утром. Он думал, что ты – лицемерка, которая притворяется невинной, а на самом деле… ну, ты понимаешь.

Я замерла. В голове все смешалось. Он думал, что я… что я согласилась на это? Он считал меня продажной женщиной?

- Он не знал, что это была ловушка, - сказала Анна. – Он не знал, что ты делала это ради меня. Он увидел только письмо и сделал выводы.

Я молчала. Гнев и обида клокотали меня внутри, но странным образом они смешались с облегчением. Он не просто ненавидел меня просто так. Он ошибся. Он неправильно истолковал ситуацию. Но разве это оправдывало его слова? Его презрение? Его грубость?

- Это ничего не меняет, - сказала я холодно. – Он мог бы спросить меня. Он мог бы дать мне объясниться. Но он предпочел оскорблять меня, не разобравшись.

Я знаю, - прошептала Анна. – Я знаю, что он был жесток.

Но он… он не умеет показывать чувства. Он не умеет доверять. После смерти Ольги он стал таким. Он боится, что его снова предадут.

Я смотрела на нее и чувствовала, как гнев постепенно уходит, оставляя место усталости.

- Анна, - сказала я тихо, - завтра я ухожу.

Она побледнела.

- Что? Нет! Настасья, ты не можешь уйти!

- Могу, - ответила я. – Я не могу оставаться в доме, где меня считают… той, кем я не являюсь. Даже если он ошибся, мог бы извиниться. И я не хочу жить в постоянном страхе, что он снова оскорбит меня.

- Но куда ты пойдешь? – спросила она с ужасом. – У тебя нет ни денег, ни знакомых, ни дома!

- Я что-нибудь придумаю, - сказала я, хотя сама не знала, что именно.

- Настасья, прошу тебя, не уходи! – взмолилась она. – Я не переживу, если ты уйдешь!

Я смотрела на нее, и сердце разрывалось. Но я знала, что должна уйти.

- Я приму решение завтра, - сказала я. – А сейчас давай поспим. Утро вечера мудренее.

Она кивнула, поцеловала меня в щеку и вышла. Я осталась одна, глядя в потолок, и думала о завтрашнем дне.

***

Утро наступило быстро, слишком быстро. Я встала, когда солнце только начало подниматься, и надела серое, простое, невзрачное платье. И мои кеды. Я долго смотрела на них, стоящие в углу. Они были грязными, потертыми, но такими родными. Единственное, что связывало меня с моей прошлой жизнью.

Я собрала свои вещи – немного: запасное платье, маленький мешочек с едой, который я приготовила накануне. Вышла из комнаты и спустилась вниз. Тетя Марья и дядя Иван уже были в гостиной. Увидев меня с мешком, они переглянулись.

- Настасья, что это значит? – спросила тетя, вставая.

- Я ухожу, тетя, - сказала я, стараясь чтобы голос не дрожал. – Спасибо за ваше гостеприимство. Я никогда не забуду вашей доброты.

- Но куда ты? – воскликнул дядя Иван. – Одна? В такой одежде? Это безумие!

- Я справлюсь, - ответила я. – Я всегда справляюсь.

Тетя Марья хотела возразить, но я покачала головой. Она поняла, что спорить бесполезно. Я обняла ее, потом дядю Ивана и вышла из дома.

Солнце светило ярко, птицы пели, и мир казался таким спокойным и красивым. Я стояла на крыльце и не знала, куда идти. У меня не было денег, у меня не было плана. Я просто шла по дороге, чувствуя, как ветер играет с моими волосами.

Я не заметила, как отошла от дома на приличное расстояние. Я шла по дороге, сжимая в руках мешок с пожитками, и чувствовала, как с каждым шагом внутри разгорается странное чувство – смесь облегчения и горечи. Я ушла. Я сделала это. Я больше не увижу его ледяных глаз, не услышу его презрительных слов. Я свободна.

Но свободна для чего?

Я остановилась на перекрестке, оглядываясь по сторонам. Лес, поле, дорога в неизвестность. Я понятия не имела, куда идти. У меня не было денег, у меня не было документов, у меня не было даже карты, чтобы понять, где я нахожусь и куда направляюсь.

- Настасья.

Я вздрогнула, услышав этот голос. Спокойный, ровный, без тени эмоций. Я обернулась и увидела князя Андрея. Он стоял в нескольких шагах от меня, скрестив руки на груди. Он был без сюртука, в простой рубашке и бриджах – необычно для него. Его лицо было холодным, как у статуи.

- Что вы здесь делаете? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал тверже, чем я чувствовала себя.

- Я пришел поговорить с вами, - ответил он.

- Нам не о чем говорить, - сказала я и развернулась, чтобы уйти.

- Если вы сделаете еще один шаг, - произнес он, и в его голосе послышалась сталь, - вы погибнете.

Я остановилась. Его слова прозвучали как приговор – без пафоса, без преувеличения. Просто констатация факта.

- С чего вы взяли? – спросила я, не оборачиваясь.

- Потому что я знаю этот мир, а вы – нет.

Я медленно повернулась к нему. Он стоял на том же месте, не двигаясь, и смотрел на меня с этим своим вечным ледяным спокойствием. В его глазах не было ни гнева, ни мольбы. Только холодная, безжалостная логика.

- Вы одна, - продолжил он, подходя на шаг ближе. – Без денег, без документов, без связей. Вы не знаете местных обычаев, как я лично убедился в этом. Вы не знаете, как разговаривать с людьми, как искать работу, как защитить себя. Вы даже не знаете, в какой губернии находитесь.

- Я знаю, что мне не нужны ваши наставления, - ответила я, сжимая мешок. – Я выживу.

- Вы действительно так думаете? – он усмехнулся – без злости, скорее с оттенком горькой иронии. – Вы, которая не умеет отличить ложку для супа от вилки для рыбы. Вы, которая танцует как деревенский медведь. Вы, которая чуть не

погибла от рук князя Лебедева, потому что доверилась не тому мужчине.

Я почувствовала, как краска заливает мои щеки. От злости. От унижения. От осознания, что он прав.

- Князь Лебедев – это ничто по сравнению с тем, что ждет вас за пределами этого дома, - сказал он. – Вы думаете, что это не опасно – идти в лес на встречу с негодяем? За этими лесами живут люди, которые не станут с вами церемониться. Они не будут спрашивать, кто вы и откуда. Они просто заберут то, что хотят, и бросят вас умирать.

Я смотрела на него и молчала. В его словах была правда. Такая горькая, такая невыносимая.

- Я не прошу вас остаться, - сказал он, и в голосе промелькнуло раздражение. – Я просто объясняю вам очевидные вещи. Вы выбрали уйти – это ваше право. Но если вы уйдете, вы совершите самую глупую ошибку в своей жизни. И единственное, на что вы будете иметь право, - это винить себя.

- Вы просто пытаетесь запугать меня, - тихо сказала я.

- Я пытаюсь донести до вас реальность, - ответил он. –

Я не буду умолять вас остаться. Я не буду говорить, что вы мне нужны. Это было бы ложью. Но моя сестра просила меня убедить вас. Она не переживет разлуку с вами. И я вынужден выполнить ее просьбу.

Я смотрела на него, и внутри меня все кипело. Он не извинился. Он не просил прощения за те утренние оскорбления. Он просто пытался образумить меня, как неразумного ребенка.

- Я не могу оставаться там, где меня считают… - я не могла договорить.

- Я не считаю вас никем, - перебил он. – Я просто думаю, что вы совершаете ошибку, руководствуясь гордыней. Гордыня – плохой советчик. Она приводит к катастрофе. Я знаю это по себе.

- Это ваше объяснение? – спросила я с горечью. – Вы просто говорите, что я ошибаюсь, но не признаете, что сами были неправы?

- Я был груб с вами, - сказал он, и это прозвучало не как извинение, а как констатация. – Возможно, я был несправедлив. Но я не извиняюсь, потому что мои слова были сказаны из-за того, что я думал, будто вы предали мое доверие. Те-

перь я знаю, что ошибался. Но прошлого не изменить.

- Значит, вы не жалеете, что оскорбили меня? – спросила я.

- Я жалею о том, что вы оказались в этой ситуации, - ответил он. – Но я не жалею своих слов. Они были сказаны в тот момент, когда я думал, что вы того заслуживаете.

Я молчала. Мы стояли друг напротив друга, и между нами была пропасть.

- Итак, вы уходите или остаетесь? – спросил он холодно. – Я не буду вас удерживать. Я просто хочу услышать ваш ответ.

Я смотрела на него, и в моей душе боролись гнев и благоразумие. Я хотела уйти, чтобы никогда не видеть его ледяного взгляда. Но я понимала, что он прав. Мне некуда идти. Мне не выжить одной в этом мире.

- Я остаюсь, - сказала я, и эти слова дались мне с трудом. – Но не ради того, что вы сказали. Я остаюсь, потому что вы правы. Я не выживу одна.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло удовлетворение.

- Разумное решение, - сказал он. – Я провожу вас до дома.

Он развернулся и пошел обратно, не оглядываясь. Я шла за ним, сжимая мешок, и в груди кипела злость. Я ненавидела его. Ненавидела за его холодность, за его самодовольство, за то, что он был прав. Но я ненавидела себя еще больше – за то, что мне пришлось вернуться.

Мы шли молча. Я смотрела на его спину, и в голове крутилась одна мысль: «Когда-нибудь я уйду. Когда я найду способ вернуться домой. И тогда он больше никогда не увидит меня».

Когда мы подошли к дому, на крыльце стояла Анна. Увидев нас, она бросилась ко мне и обняла.

- Настасья, ты вернулась! – воскликнула она. – Слава богу!

Я обняла ее в ответ, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Но я сдержала их. Я не буду плакать.

- Ты не представляешь, как я волновалась! - сказала Анна. - Я боялась, что ты ушла навсегда!

- Я вернулась, - сказала я.

Князь Андрей прошел мимо нас в дом, даже не взглянув

на нас. Я посмотрела ему вслед и поняла, что теперь все будет по-другому. Я осталась здесь, но мое сердце было закрыто. Я знала, что никогда не прощу ему его холодность.

Я поднялась к себе в комнату, закрыла дверь и упала на кровать. Я смотрела в потолок и думала о том, что я сделала. Я осталась. Я принесла свою гордость в жертву благоразумию. Я сделала это ради Анны и ради себя. Но внутри меня зрела злость.

- Я не прощу тебя, - прошептала я. – Никогда.

Но даже сквозь эту злость я знала, что когда-нибудь, возможно, я пойму его. Но не сегодня. Сегодня я слишком зла. И это чувство останется со мной надолго.

Глава 18

Карета покачивалась на ухабах, и я сидела, прижавшись к углу, стараясь занимать как можно меньше места. Напротив меня сидела Анна, которая то и дело бросала на меня тревожные взгляды, а рядом с ней – князь Андрей. Он смотрел в окно, и его профиль был непроницаем, как каменная маска. Между нами висела тишина – тягучая, тяжелая, как туман над болотом.

Я не сказала ни слова с тех пор, как мы сели в карету. Я решила держаться от князя на расстоянии. Физически это было невозможно – карета была тесной, и я чувствовала запах его одеколона, смешанный с запахом кожи и дерева. Но эмоционально я поставила стену. Он был для меня чужим. Холодным. Равнодушным.

- Настасья, - сказала Анна тихо, нарушая молчание. – Ты как себя чувствуешь?

- Нормально, - ответила я, стараясь улыбнуться. – Дорога длинная, но я привыкла.

- Мы скоро приедем, - сказала она. – Еще час, и мы будем

дома.

Я кивнула. Дом. Я снова буду в его доме. В тот самом особняке, где меня сначала приняли за гувернантку, потом за княгиню, потом за посмешище. Теперь я возвращаюсь туда, но уже не как прислуга, не как гувернантка. Князь Андрей, хоть и не сказал мне ни слова, распорядился, чтобы меня считали гостьей, подругой Анны.

Это было странно. Я не знала, как себя вести. Я привыкла быть кем-то – гувернанткой, наставницей, учительницей. А теперь я была просто «подругой». Никаких обязанностей, никаких уроков, никакого статуса. Только тихая жизнь в тени Анны.

Анна, словно прочитав мои мысли, взяла меня за руку.

- Мы будем учиться вместе, - сказала она. – Я попросила брата, чтобы нам приставил учителей. Ты будешь заниматься со мной музыке, танцам, французскому. Все, что я умею, я буду учить тебя. А то, что я не умею, мы выучим вместе.

Я улыбнулась ей. Она была добра. Она была моей единственной опорой в этом мире.

- Спасибо, Анна, - сказала я. – Я очень ценю это.

- Мы будем сестрами, - сказала она с таким теплом, что у меня защипало в глазах. – Настоящими сестрами.

Я сжала ее руку в ответ. Князь Андрей, услышав это, чуть повернул голову, но ничего не сказал. Его лицо оставалось бесстрастным.

Дорога тянулась бесконечно. Я смотрела в окно на проплывающие поля, леса, деревушки. Все было таким же, как и в прошлый раз, но теперь я чувствовала себя по-другому. Раньше я была новичком, который смотрит на все с любопытством. Теперь я была почти местной, но все равно чужой.

Наконец карета въехала в знакомые ворота. Особняк князя Андрей стоял на том же месте, никуда не сдвинулся, величественный и холодный, как и его хозяин. Слуги уже суетились у крыльца, готовясь встречать господ.

Мы вышли из кареты. Я ступила на землю и огляделась. Все было по-прежнему. Те же окна, те же колонны, тот же запах цветущих лип. Но теперь я входила в него не как гувернантка, а как гостья. И это было странно.

- Проходите, - сказал князь Андрей, даже не взглянув на меня. – Ваши комнаты готовы.

Он вошел первым. Анна взяла меня под руку и повела следом.

Мне выделили ту же комнату, что и раньше – гостевую, с видом на сад, просторную и светлую. На кровати уже лежали новые платья, на туалетном столике стояли гребни и духи. Все было продумано до мелочей.

- Это тебе, - сказала Анна, указывая на платья. – Я попросила брата, чтобы тебе сшили новые наряды. Ты теперь не гувернантка, ты – моя подруга. Ты должна выглядеть достойно.

А я чувствуя себя домашним тамагочи.

Я провела рукой по ткани – шелк, кружева, тонкий батист. Все было красивым, дорогим, и я чувствовала себя еще и самозванкой.

- Анна, это слишком много, - сказала я.

- Ничего подобного, - ответила она. – Ты спасла меня. Ты рисковала собой ради меня. Ты заслуживаешь всего самого лучшего.

Я обняла ее, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Черт, я здесь стала такой сентиментальной, что сама поражаюсь себе.

- Спасибо, - прошептала я.

Следующие дни прошли в учебе. Анна оказалась права: к нам приставили учителей – строгого француза, который заставлял нас говорить только по-французски, из-за чего я на всех уроках тупо молчала, вызывая его укоризненные взгляды. Учитель музыки – сухонький старичок, который заставлял меня играть гаммы снова и снова, пока мои пальцы не начали болеть. Учитель танцев – молодой, но строгий, который поправлял мою осанку и говорил: «Сударыня, вы не корова, вы леди. Держите спину прямо!»

Анна терпеливо занималась со мной, и я видела, как она расцветает. Она стала увереннее, спокойнее. Она больше не боялась говорить, не прятала взгляд. А я? Я училась.

Между мной и князем Андреем по-прежнему стояла стена. Мы почти не разговаривали. За завтраком он был вежлив, но холоден. Он спрашивал Анну о ее успехах, кивал, когда она отвечала, и не смотрел на меня. Я тоже не смотрела на него. Я решила, что мне все равно.

Но по ночам, лежа в постели и глядя в потолок, я думала о доме. О моем времени. О 21 веке. О кофейнях, о телефонах, о маме, которой нет со мной. Я засыпала с мыслью, что однажды я проснусь, и все исчезнет. Что это был всего лишь сон. Но утром я просыпалась в этой комнате, в той же сорочке, в этом мире. И я снова вставала, шла к Анне и училась быть леди.

- Настасья, - спросила меня Анна однажды, когда мы сидели в саду, - ты скучаешь по дому?

Я задумалась. Как сказать ей правду, если она не знает, что я из другого времени?

- Я скучаю, - сказала я. – Но у меня нет дома. Я – странница.

- Странница? – переспросила она.

- Да, - улыбнулась я. – Я ищу свое место.

- Теперь ты нашла его, - сказала она. – Твой дом – здесь. Со мной.

Я хотела верить ей. Но в глубине души я знала: я не найду покоя, пока не вернусь. И я молилась, чтобы однажды это

случилось. Чтобы я снова оказалась в своей кофейне, с бутербродом в руке, и поняла, что все это было просто странным сном.

Но пока я жила здесь. Я училась музыке, танцам, французскому. Я улыбалась Анне. Я смотрела на князя Андрея и старалась не замечать его холодности. Я ждала. Ждала чуда.

И однажды, когда я сидела одна в своей комнате и смотрела на закат, я вдруг поняла, что если даже мне удастся вернуться, я непременно буду скучать по этому месту, по всем этим людям. Такое чувство, будто моя новая жизнь становится все более реальной. А моя старая жизнь становится всего лишь воспоминанием.

Глава 19

Я проснулась с твердым убеждением, что сегодня – тот самый день. День, когда я вернусь домой. В моей голове созрел гениальный план: я найду то самое место, где оказалась в этом веке. Там, у каменного моста, в том переулке, где я стояла с бутербродом во рту. Если я попала сюда через это место, то, возможно, смогу и вернуться обратно. Логика была железобетонная. Или мне просто хотелось так думать.

За завтраком я была необычайно оживлена. Анна смотрела на меня с удивлением, а князь Андрей – с подозрением. Я старалась не встречаться с ним взглядом, потому что его ледяные глаза могли испортить любой настой.

- Анна, - сказала я, когда мы остались вдвоем в гостиной, - ты не хочешь съездить со мной в город? Погода чудесная, и я хочу посмотреть на то место, где… ну, где князь Андрей нашел меня.

- Ты имеешь в виду, тот переулок у каменного моста? – спросила она с любопытством. – Там, где тебя нашел мой брат в… ну, в странной одежде?

- Да, - сказала я, стараясь говорить небрежно. – Это место мне почему-то нравится. Оно какое-то… магическое. Хочу посмотреть на него еще раз.

Анна улыбнулась.

- Тогда поедем! Я тоже хочу прогуляться. Погода действительно чудесная, а я соскучилась по городу.

Мы уговорили тетку Марью (которая все еще гостила у князя) отпустить нас с горничной и одним слугой. Князь Андрей, узнав о нашей затее, нахмурился.

- Вы едете в город без сопровождения? – спросил он холодно.

- С нами будут горничная и слуга, - ответила Анна. – Это же не бал, а просто прогулка.

Он посмотрел на меня, и я почувствовала, что он видит меня насквозь. Но я сделала невинное лицо.

- Мы скоро вернемся, - пообещала я. – Мы просто хотим подышать воздухом и посмотреть на городские достопримечательности.

- Не задерживайтесь, - сказал он и вышел из комнаты.

Я выдохнула. Пронесло.

Карета везла нас по пыльной дороге. Конец июля радовал теплом и зеленью. Березы уже оделись в густую листву, поля колосились золотом, а воздух был наполнен ароматом трав и цветов. Я смотрела в окно и думала о том, что этот мир, несмотря на все его странности, был невероятно красивым. Но я все равно хотела вернуться.

Город встретил нас шумом и суетой. Кареты, повозки, экипажи, прохожие в длинных платьях и сюртуках. Я чувствовала себя героиней исторического фильма, только без сценария. Мы вышли у центральной площади, и я с трудом узнала место – в прошлый раз я была слишком ошеломлена, чтобы запомнить детали.

Мы пошли по мостовой, огибая прохожих. На мне было скромное, но красивое платье, и я чувствовала себя почти аристократкой, хотя каждую секунду боялась сделать что-то не так. Но Анна держала меня под руку и шептала:

- Не сутулься. Улыбайся. И не смотри на людей слишком пристально.

Мы подошли к каменному мосту через небольшой канал. Я узнала это место. Те самые булыжники, тот самый угол, где я стояла с бутербродом.

Сердце забилось быстрее.

- Анна, постой здесь, - сказала я, отпуская ее руку. – Я хочу постоять тут одна. Просто… постоять.

Она посмотрела на меня с удивлением, но отошла в сторону вместе с горничной. Я встала на то самое место, где меня застал князь Андрей, закрыла глаза и сконцентрировалась. Я думала о кофейне, о бутерброде, о своем телефоне. Я повторяла про себя, в уме: «Верни меня домой. Верни меня домой».

Ничего не произошло. Я открыла глаза. Все те же булыжники, тот же мост, те же прохожие в цилиндрах. Я сделала глубокий вдох и попробовала снова – закрыла глаза, мысленно перенеслась в свою старую жизнь, представила запах кофе, шум офиса, голос мамы.

Опять ничего.

Я начала слегка паниковать. Я топнула ногой по булыжнику, как будто это могло помочь.

- Ну давай же! – прошептала я.

Анна подошла ко мне, слегка взволнованная.

- Настасья, что ты делаешь? Ты разговариваешь с камнями?

- Я… я медитирую, - быстро сказала я. – Это очень полезно для успокоения нервов.

- Медитируешь? – переспросила она. – Я никогда не слышала такого слова.

- Это модное, иностранное слово, - сказала я. – Я его вычитала в книге. Ну, знаешь, когда человек просто стоит и думает о чем-то хорошем.

Она посмотрела на меня, как на необычную зверушку, и улыбнулась.

- Ты странная, Настасья.

- Это я знаю.

Я попробовала еще раз – встала на цыпочки, подняла ру-

ки к небу и прошептала: «О силы времени, верните меня обратно!» Прохожие начали на меня оборачиваться. Анна покраснела.

- Настасья, люди смотрят!

- Это нормально! – сказала я, опуская руки. – Это часть ритуала.

- Какого ритуала?

- Для привлечения удачи.

Она вздохнула, но промолчала. Я сделала еще пару безрезультатных попыток. Я даже прочитала мысленно «Отче наш», потом «Молитву о возвращении домой» собственного сочинения. Все было тщетно.

- Хватит, - сказала Анна, беря меня за руку. – Ты привлекаешь слишком много внимания. Пойдем, я покажу тебе местную булочную. Там пекут чудесные пирожки.

Я бросила последний взгляд на мост и сдалась. Может быть, это не сработало, потому что я пришла не в то время? Или потому что портал работает только при определенной фазе луны? Я решила, что вернусь сюда снова, но уже с дру-

гой тактикой.

В булочной я съела три пирожка с вишней, пытаясь заесть разочарование. Анна наблюдала за мной с любопытством.

- Ты всегда так много ешь, когда расстроена? – спросила она.

- Только когда мои планы проваливаются, - ответила я с набитым ртом.

- Теперь ты успокоилась?

- Нет.

Мы вернулись домой к обеду. Я чувствовала себя побежденной, но не сломленной. В голове уже созревал новый план: ночью, когда все уснут, я пойду в сад, встану в самом центре, одену свои кеды и попытаюсь снова. Возможно, портал работает только при лунном свете.

Вечер прошел в обычной рутине. Мы ужинали с тетей Марьей и дядей Иваном, затем пили чай в гостиной. Князь Андрей, как обычно, читал книгу в углу, игнорируя меня. Я старалась не думать о его присутствии.

Когда все разошлись по комнатам, я дождалась, пока в доме стихло. Полная луна светила в окно, заливая сад серебристым светом. Я надела свои кеды – они были пыльными, но родными. И в ночной сорочке выскользнула в сад.

Я встала на лужайку прямо по центру, подняла руки к луне и закрыла глаза.

- О, могущественные силы времени! – прошептала я. – Я, Настя Зарецкая, призываю вас! Верните меня в мою эпоху! Я больше не хочу вышивать крестиком и есть кисель!

Я ждала. Ветер колыхнул мои волосы. Где-то ухнула сова. Я открыла глаза. Ничего. Я топнула ногой.

- Ну пожалуйста! Я обещаю, быть хорошей девочкой! Ну то есть… я обещаю, что не буду больше жаловаться на жизнь!

Тишина. Я вздохнула и уже собралась уходить, как вдруг услышала сзади шорох. Я медленно обернулась.

В нескольких шагах от меня стоял князь Андрей. В домашнем халате, со свечой в руке, с выражением лица, которое одновременно было удивленным, скептическим и раздраженным.

- Настасья, - сказал он холодно, - что вы делаете в саду в три часа ночи в ночной сорочке и с этими… странными башмаками на ногах?

Я замерла. Мой мозг лихорадочно искал объяснение.

- Я… я делаю гимнастику, - сказала я. – Это очень полезно для здоровья. Лунная гимнастика.

- Лунная гимнастика, - повторил он с интонацией, которая не оставляла сомнений – он мне не верит.

- Да, - сказала я с максимальной уверенностью. – Это модный метод оздоровления. Из Европы. Я читала в книге. Нужно стоять при лунном свете и… делать движения. Вот, смотрите.

Я начала неуклюже вращать руками, поднимать ноги, изображая нечто среднее между зумбой и древним ритуалом. Он смотрел на меня, и я видела, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

- Это… впечатляет, - сказал он сухо. – Вы не боитесь, что кто-то увидит вас в таком виде?

- В три часа ночи? – переспросила я, продолжая вращать руками. – Кроме вас, никто не выходит в сад.

Он медленно подошел ко мне. Я перестала вращать руками, чувствуя себя полной идиоткой.

- Настасья, - сказал он тихо, - если вы хотите вернуться в свое время, поверьте, я первый был бы рад отправить вас обратно. Но стоять в саду в одной сорочке и молиться луне – не самый лучший способ.

Я опешила. Он что, слышал меня?

- Я просто… - начала я.

- Я не знаю, откуда вы взялись, - сказал он, делая шаг ближе. – Но если ваш метод и работает, он явно не предполагает привлечения внимания всей прислуги. Поэтому идите в комнату и ложитесь спать.

Он развернулся и пошел к дому. Я стояла на месте, чувствуя себя глупо, но в то же время почему-то немного счастливой. Он не ругал меня. Он просто… посмеялся надо мной. Это было почти по-человечески.

Я вернулась в свою комнату, сняла кеды и улеглась в по-

стель. Я смотрела в потолок и думала о том, что, возможно, мне никогда не вернуться домой.

Я вздохнула и закрыла глаза.

- Завтра я придумаю новый способ, - прошептала я. – Например, попрошу местного кузнеца сделать мне машину времени. Или попробую найти колодец с желанием и спрыгну в него.

Глава 20

Я сидела в библиотеке уже четвертый час. Вокруг меня громоздились стопки книг – от фолиантов по истории до старых медицинских трактатов. Я искала хоть что-то, что объяснило бы мою телепортацию. Может быть, древние руны, описания порталов, секретные знания алхимиков? Но все, что я находила, было либо про чудеса святых, либо про бредни сумасшедших ученых. Ни одного практического совета, как вернуться домой.

Я вздохнула и откинулась на спинку кресла. Книги пахли пылью и временем, и я чувствовала себя героиней приключенческого романа, которая ищет ответы в старых фолиантах. Только вот в романах ответы обычно находятся. У меня – нет.

- Настасья, ты все еще здесь? – раздался голос Анны. Она стояла на пороге библиотеки, держа в руках книгу по этикету. – Ты уже третий день ищешь что-то в этих книгах. Что ты хочешь найти?

- Ответы на вопросы, - сказала я, закрывая очередную книгу. – Я хочу понять, почему я здесь. Понимаешь, я чув-

ствую, что я не совсем… ну, не совсем обычный человек. Возможно, я обладаю какими-то способностями.

- Какими? – спросила она с любопытством.

- Ну, я могу… - я задумалась, - я могу предсказывать дождь. И я очень хорошо чувствую, когда кто-то врет.

- Правда? – удивилась Анна. – Ты чувствуешь, когда я вру?

- Ты никогда не врешь, - сказала я, и она улыбнулась.

- Тогда зачем тебе книги?

Я не знала, что ответить. Как объяснить ей, что я пытаюсь найти магический путь домой? Поэтому я сказала первое, что пришло в голову:

- Я просто люблю читать. Это моя страсть.

Она села рядом и положила руку на мою ладонь.

- Ты странная, Настасья, но я люблю тебя.

Я улыбнулась. Она была самым дорогим человеком в этом мире.

Вечером, когда мы сидели в гостиной, князь Андрей объявил, что он едет на бал-маскарад в соседнее поместье.

- Бал-маскарад? – глаза Анны загорелись. – Я тоже хочу!

- Нет, - отрезал он, не поднимая взгляд от газеты. – Ты еще не готова. Там будет много людей, много танцев, много сплетен. Ты еще слишком робка для таких мероприятий.

- Но я хочу! – воскликнула она.

- Я сказал – нет, - он отложил газету и посмотрел на нее холодно. – И не только тебе. Настасья тоже остается. Она весь день ведет себя странно, и даже ночью я застал ее в саду в… неподобающем виде. Я не хочу, чтобы она где-то опозорила мой дом.

Я почувствовала, как краснею. Он что, рассказал всем, что видел меня ночь в саду в одной сорочке?

- Я не опозорю ваш дом, - сказала я обиженно.

- Я знаю, что вы будете делать, когда я уеду, - сказал он. – Вы будете строить планы побега в свое время. Так что оставайтесь дома и продолжайте заниматься своими странными делами.

Он поднялся и вышел, оставив нас с Анной наедине. Мы

переглянулись.

- Мы все равно поедем, - прошептала Анна.

- Конечно, поедем, - ответила я.

Через час карета князя отъехала от ворот. Мы выждали еще полчаса, чтобы убедиться, что он не вернется, и начали подготовку к балу.

***

Карета мягко покачивалась, унося нас в ночь. Я сидела напротив Анны и чувствовала себя героиней сказки, которая едет на бал, чтобы встретить принца. Только вот принц уже был в нашем доме, и он был ледяным, высокомерным и категорически запретил нам ехать. Но мы все равно ехали.

На мне было платье изумрудного цвета, которое Анна заказала у портнихи на прошлой неделе. Корсаж плотно облегал фигуру, юбка струилась до самого пола, а на плечах лежала легкая шаль. Маска из зеленого бархата с золотыми узорами скрывала верхнюю часть лица, оставляя лишь глаза и губы. Я чувствовала себя загадочной незнакомкой. Анна выбрала платье цвета лаванды, с кружевными рукавами и маской в тон – нежной и воздушной.

- Мы неотразимы, - сказала я, разглядывая свое отражение в маленьком зеркальце.

- Надеюсь, нас никто не узнает, - прошептала Анна, нервно теребя край маски.

- Не узнают, - заверила я. – Все будут в масках.

Но внутри у меня все дрожало. Я не знала, как вести себя на балу, как танцевать, как разговаривать с незнакомцами. Все, что я умела – это попадать в неловкие ситуации. И, судя по опыту, это умение меня никогда не подводило.

Мы прибыли, когда музыка уже вовсю играла. Зал особняка был огромным – люстры горели сотнями свечей, паркет блестел, как зеркало, а стены были украшены живыми цветами. Гости кружились в танцах, их маски и наряды создавали калейдоскоп красок. Кто-то был одет как венецианский дож, кто-то – как персонаж античной трагедии, дамы в пышных платьях с масками на лицах казались таинственными и прекрасными.

- Настасья, я так волнуюсь! – прошептала Анна, сжимая мою руку.

- Не волнуйся, - сказала я. – Я сама волнуюсь.

Мы вошли в зал, и я сразу заметила его. Высокий, статный, в черном костюме с серебряной маской. Князь Андрей. Я узнала его по осанке, по тому, как он держал голову, по его уверенной походке. Он стоял у колонны и разговаривал с пожилым графом.

Я дернула Анну за рукав:

- Твой брат.

- Да, я тоже его сразу заметила. – Сказала Анна с волнением в голосе. – Он нас не узнает. Мы просто будем держаться от него подальше.

И мы попытались. Мы растворились в толпе, взяли по бокалу шампанского у проходящих слуг и встали у стены, разглядывая танцующих. Я сделала глоток шампанского – оно было игристым и приятным. Я сделала еще глоток – и внезапно какой-то кавалер, проходя мимо, задел мой локоть. Шампанское выплеснулось прямо на мое платье.

- Эй! Аккуратнее нельзя? – воскликнула я ему вслед.

- Настасья, тише! – прошипела Анна. – Ты привлекаешь

внимание!

Я привлекла внимание у всех рядом стоящих, но только не у того недотепы.

Вытерла пятно с салфеткой. На изумрудной ткани расплылось темное пятно. Надеюсь, скоро оно высохнет.

Мы прошли в центр зала. Неожиданно моя нога зацепилась за подол собственного платья, и я чуть не упала. Удержалась, схватившись за плечо ближайшего гостя. Он обернулся и удивленно посмотрел на меня.

- Простите, - сказала я с максимальной вежливостью. – Ваше плечо оказалось очень удобным.

Он усмехнулся и отошел. Я почувствовала, что краснею даже под маской.

И тут я поняла, что Анна ушла танцевать с каким-то молодым человеком, и я осталась одна. Я решила просто постоять у колонны и наблюдать.

Зал был огромным – люстры из хрусталя и бронзы горели тысячами свечей, отражаясь в бесчисленных зеркалах, которые украшали стены. Паркет блестел до такой степени, что

казалось, будто мы танцуем на льду. Цветы – розы, пионы и белые лилии – были повсюду: в вазах, на подоконниках, даже на люстрах висели гирлянды из живых бутонов.

Гости кружились в вальсе. Я смотрела на дам в шелке, атласе и кружевах, на их маски – венецианские, французские, из бархата с перьями и драгоценными камнями. Их платья были роскошными: одни с длинными шлейфами, другие с глубокими декольте, третьи с рукавами-буфами, как в старых гравюрах. Я чувствовала себя мухой, которая случайно залетела в королевский дворец.

Анна упорхнула в центр зала, и я видела, как она кружится с молодым человеком в маске павлина. Она улыбалась, а я чувствовала гордость – она становилась все увереннее. А я осталась у колонны, разглядывая публику.

Музыка играла вальс, и я почти физически чувствовала ее, проходящую сквозь меня. Я хотела танцевать, но боялась опозориться. Поэтому я просто смотрела, как кружатся пары, как сверкают украшения, как льется шампанское в хрустальных бокалах.

Но, как оказалось, просто стоять у колонны было невозможно. Мужчины начали подходить ко мне один за другим. Первым был высокий брюнет в черной маске с серебряным ободком. Он поклонился и протянул руку.

- Сударыня, я не могу отвести взгляд от вашего наряда и изящества. Разрешите пригласить вас на следующий танец?

Я улыбнулась самой обаятельной улыбкой, которую смогла изобразить.

- О, благодарю вас, сударь, но у меня… больная нога. Я наступила на гвоздь. На прошлой неделе. Нога все еще болит.

Он посмотрел на мою ногу с сомнением.

- На гвоздь? И вы все еще танцуете?

- Я не танцую, я стою, - сказала я. – Это абсолютно безопасно.

Он ушел, слегка озадаченный. Следующий был пожилой мужчина с моноклем и маской в виде сокола.

- Сударыня, вы – само очарование. Позвольте мне пригласить вас на вальс?

- О, сударь, - сказала я, изображая трагедию в голосе, - я бы с радостью, но сегодня четверг. Я не танцую по четвергам.

У меня… ну, вера не позволяет.

Он уставился на меня с недоумением.

- Вера?

- Да. Самая то ни есть вера.

Он удалился, бормоча что-то о странных современных девицах.

Третий кавалер был молодым, с пылким взглядом и маской с перьями.

- Сударыня, вы ослепительны! Я готов танцевать с вами до самого утра!

- Боюсь, сударь, - сказала я, - я обещала этой колонне, что простою рядом с ней весь вечер. Она такая… одинокая. Вы понимаете?

Он посмотрел на колонну, потом на меня и вежливо отошел.

Я вздохнула с облегчением. Но вскоре поняла, что я привлекаю слишком много внимания. Мужчины все чаще на ме-

ня смотрели, и я не знала, откуда столько интереса. Может быть, дело в моем платье, которое Анна подобрала очень удачно. Или, может быть, я просто стояла слишком долго на одном месте.

И тут я заметила его. Князь Андрей. Он стоял у входа в зал, в нескольких метрах от меня. Я почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Если он меня заметит, он поймет, что я здесь, и тогда начнется скандал.

Я начала медленно, не привлекая внимания, отходить от колонны. Он, казалось, не заметил меня, но я не стала рисковать. Я спряталась за группой пожилых дам, которые громко обсуждали чей-то туалет. Они посмотрели на меня с подозрением, но я сделала вид, что ищу потерянную серьгу.

Андрей двинулся в мою сторону. Я ощутила это, даже не видя его. Какая-то невидимая связь, которая заставляла меня всегда знать, где он находится.

Я отпрянула, скрылась за танцующей парой, обогнула колонну и оказалась рядом с буфетом. За буфетом я замерла. Я не видела его, но чувствовала его присутствие.

Может, я, в самом деле, обладаю сверх силой? Чую опасность на расстоянии.

- Настасья, - раздался голос откуда-то слева.

Я не поверила, что он меня нашел, поэтому быстро метнулась вправо, пробираясь между гостями.

Андрей был настойчив. Он двигался с той же уверенностью, что и всегда, и мне казалось, что он уже знает мои уловки. Я спряталась за высокой пальмой в углу. Он прошел мимо. Я выдохнула.

- Неужели вы думали, что я не замечу, как вы прячетесь за растением? – раздался его голос рядом.

Я едва не подпрыгнула, но вовремя сообразила, что он стоит по другую сторону пальмы. Я быстро отошла и смешалась с толпой, делая вид, что очень заинтересовалась картиной на стене.

И так продолжалось почти два часа. Анна веселится, наслаждается танцами с мужчинами, а я… Я пряталась за колоннами, за спинами гостей, за шторами.

В зале становилось душно. Я чувствовала, что задыхаюсь, и решила выйти на балкон, чтобы глотнуть свежего воздуха. Там было темно, только свет из зала падал на каменные пе-

рила.

Я оперлась на них, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Тишина. Прохлада. Наконец-то я могла побыть одна.

- Настасья, может, уже хватит убегать от меня? – раздался голос. Я замерла. – Я должен всю ночь вас догонять?

Глава 21

Я обернулась. Князь Андрей стоял на пороге балкона, опершись плечом о дверной проем. Он снял маску, и я видела его лицо – недовольное, раздраженное, но глаза смеялись. Я поняла, что он не злится. Он просто… развлекается.

Я выдохнула, не зная, то ли мне бояться, то ли смеяться. Мой план провалился. Но в его взгляде я видела усталую усмешку, которая говорила: «Я нашел тебя, и ты не сбежишь».

- Князь, я… я просто хотела подышать, - сказала я.

- И прятаться от меня – это ваше любимое занятие? – спросил он, делая шаг в мою сторону.

- Я не пряталась, - ответила я. – Я просто была в разных местах.

Он усмехнулся.

- Два часа, Настасья. Вы водили меня за нос два часа. Вы думаете, я этого не заметил?

- Я… я не знаю, о чем вы говорите, - сказала я, делая вид, что не понимаю.

Он приблизился. Я отступила к перилам.

- Анна танцует, - сказал он, - и вы тоже должны. А если не танцевать, то хотя бы не убегать от меня всю ночь.

- Я не убегала, я…

- Ладно, - сказал он и подошел на расстояние шага. – Тогда скажите мне честно: вы боитесь меня?

Я сглотнула. Его взгляд стал серьезным.

- Я… я не знаю, - сказала я. – Может быть, я боюсь, что вы снова будете меня оскорблять.

Он вздохнул.

- Я обещаю не оскорблять вас. Сейчас. Только перестаньте от меня бегать.

Я посмотрела в его глаза и не нашла там прежнего льда. Была усталость, легкое раздражение и… что-то новое.

- Хорошо, - сказала я.

- Теперь давайте танцевать, - сказал он и протянул руку.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.